

АМИРАН И ВАЛЕНТИНА ПЕРЕЛЬМАН

СЕРДЦЕ ЛЬВА

Валентина Перельман Амиран Перельман Сердце Льва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24186112

Аннотация

В романе Амирана и Валентины Перельман продолжается развитие идей таких шедевров классики как «Божественная комедия» Данте, «Фауст» Гете, «Мастер и Маргарита» Булгакова.

Первая книга трилогии «На переломе» – это оригинальная попытка осмысления влияния перемен эпохи крушения Советского Союза на картину миру главных героев.

Каждый роман трилогии посвящен своему отрезку времени: цивилизационному излому в результате бума XX века, осмыслению новых реалий XXI века, попытке прогноза развития человечества за горизонтом современности.

Роман написан легким ироничным языком. В нем естественным образом уживаются эзотерика и быт, фантастика и поэзия, философия и юмор. Сами авторы характеризуют роман как «легкое чтение с глубокими мыслями».

АМИРАН И ВАЛЕНТИНА

ПЕРЕЛЬМАН НА ПЕРЕЛОМЕ ТРИЛОГИЯ

«...в мире мысли, как и в мире духовном,

каждый должен продвигаться своими

собственными усилиями.

Писатель не может думать за читателя, да и читатель не станет сколько-нибудь лучше, будь такое мышление за другого возможно».

Елена Петровна Блаватская

КНИГА ПЕРВАЯ СЕРДЦЕ ЛЬВА Роман, белая поэма

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как определить жанр этого чтения? – Фантазмагория, мифосочинение, фэнтези, роман в романе? – В нём, как в летописании, представлена реальная жизнь «на переломе» двух-полюсного мира конца XX века, но она переплетается и взаимодействует с вымыслами и аллегориями, с персонажами и событиями давно ушедших времён и классической литера-

туры. Занимательно это переплетение прошлого и настоящего; вымышленные герои классической литературы помещены в историческую действительность, наплодили своих потомков...

Роман не поддаётся жанровой классификации, не желает укладываться ни в какие схемы. У него интригующий увлекательный сюжет и, в то же время, множество философских, культурных, научно-фантастических идей и пластов. А для близких к авторам людей этих пластов ещё больше, так как в нём живут не названные, но узнаваемые прототипы («Друзей моих прекрасные черты появятся и растворятся снова.»).

Роман писался двадцать лет; авторы следовали за своими медитациями и воспоминаниями. Он, конечно, перекликается с гениальными созданиями Данте, Гёте, Гоголя, особенно Булгакова. В каждый момент цивилизационного сдвига появляются такие метапроизведения. Однако у него своё (наше, во всех смыслах) время и свои герои, а у них – свои испытания и пути к истине, добру и красоте, свой путь к Богу.

С произведением Булгакова его роднит формальное структурное построение. Это «роман в романе». Он чётко делится на две составляющие. В одной – жизнь и мысли писателя, его внутренний диалог наблюдателя, осмысливающего происходящие в мире события, – и, в то же время, автора, Демиурга, создающего свои миры, которые, тем не менее, находятся внутри, посреди происходящих в реальности со-

бытий. В другой части – события и действующие лица романа, который пишет Демиург. Получается такая полифония одного человека. Но этот человек, – действительно, Мастер. Как писал А. Франс, «всякий раз, когда у нас нет сил молчать, мы говорим о самих себе». Такова миссия чего-то стоящего писателя: чувствовать

в своём внутреннем мире Космос, а в своей судьбе – хрупкую судьбу человечества.

Кто в романе центральный персонаж? – Для меня как читателя это, конечно, Демиург. Я наслаждаюсь его искренним, любящим своих героев-детей, тоном, автобиографичностью его размышлений. Это мысли-чувства о стихиях мироздания, Боге и о том, что в силах сделать Человек на замечательно разнообразной (горы Кавказа, лесостепи Украины, сады и города России и, конечно, Святая земля) и единственной родной планете. Но нас, читателей, много, и каждый ответит на этот вопрос по-своему.

По-своему, своими жизнями, отвечают на него и герои романа – Василий Славенко, Лев Арье, их друзья и родные, Вадим Чудра и его окружение; а ещё есть Тамара Васадзе со своим восприятием себя в мире и множество особ, приближённых к той или иной власти. Это мир земной, людской, с его обыденностью и чудесами, добросердечием и себялюбием, щедростью и жадностью, готовностью помочь всему свету и способностью послать весь мир к чёрту, ради себя лю-

бимого.

А ведь и Чёрт есть в романе. Как писал Андре Жид: «Нет произведения искусства без сотрудничества дьявола». Вот и здесь поначалу Демиург с любопытством и интересом «сотрудничает» с дьяволом, назвавшим себя Адамбеком. Заявлено, что это тот самый Мефистофель, завладевший когда-то душой Фауста. Но здесь он сложнее. «Никогда не ошибается» и «никогда не лжёт». Он, по его словам, постоянно занимается «поиском ответа на один вопрос: как вывести Земную цивилизацию на духовный уровень, но оставить в пределах своих владений... «Тогда – говорит Адамбек, – я смогу построить новое мироздание, где будут работать мои законы. Это будет мой мир!.. Знания позволяют творить новые миры. Я доведу человечество до абсолютных знаний. Оно создаст мне Мой Мир!» – Такой вот соратник-конкурент Бога, желающий создать собственный высокодуховный мир на отдельно взятой территории (чем не коммунистическая идея в большевистском исполнении?). А на поверку оказывается: «Перестройка идёт семимильными шагами. Мы поставили цель, и процесс пошёл. Вы, наверное, слышали поговорку: «Лес рубят – щепки летят». При этом же он внушает: «Всё, что делают люди, они делают самостоятельно». Такой вот мастер

казуистического обмана! В отличие от булгаковского Воланда Адамбек со своей свитой нечистых ещё как заставляет

людей совершать злые дела, хотя, конечно, в силах использовать для этого только тех, кто имеет эгоцентрические качества.

Может ли Зло творить Благо? Где кончается Благо и начинается Зло? И есть ли эти Начала и Концы? В чём и за что – неотвратимость наказания? На протяжении всего романа перед его героями, как и перед самим автором, встают проблемы выбора. И ещё вопрос: а всё ли зависит от тебя самого? Да, возникают в жизни ситуации, когда ты, вроде бы, всё делаешь верно, но события поворачиваются так, что уже от тебя не зависят. Неожиданно катастрофична трагедия Льва Арье. Бесконечно жаль вовлечённых в неё Леночку, Мишу, Натали, родителей Лёвы. Хорошие люди. За что наказаны они? Наказаны ли? Куда отправятся их бессмертные души?

На фоне катастрофичного Перелома Истории – трагические повороты судеб. И бессмертная Душа Писателя проходит свою Вию Долороссу и переживает очередную Голгофу вечных тем о жизни, смерти, бессмертии, о любви, свободе, о совести...

Вряд ли найдётся читатель, который решится утверждать, что понял роман до конца, нашёл ответы на все, таящиеся в нём, загадки. Для этого надо прочесть его не один раз. На мой взгляд, следующее прочтение будет ещё более захватывающим, чем первое. А загадки останутся.

Людмила Колыхалина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕПОЛОХ

ДОГОВОР НЕ РАСТОРГНУТ

—

Живой экспонат древней Эллады?

Деми обернулся. Здесь не должно быть никого, кто мог бы его так окликнуть.

—

О, светозарный сын Туманного Альбиона! – обрадовался он встрече с Генри, наивным и восторженным романтиком.

Тот стоял перед своим коллегой, увешанный фотокамерой, диктофоном, очками и значками.

—

Какими судьбами в Иерушалаиме?

—

Да, наверное, такими же, как и ты, – репортёрскими. Как я рад тебя здесь встретить!

—

В этом городе чудеса на каждом шагу, и много есть такого, о чём стоит подумать. Вот, смотри – это Храмовая гора – пуп святости на Земле. А вот это, – Деми указал на лежащий под горой овраг (солнце зашло за гору, и из-за возникшей тени, овраг казался бездонным), – Геенна Огненная, врата в Чистилище. Впечатляет?

—

Если бы в природе мог быть хоть кусочек абсолютной пустоты, то он исполнял бы роль границы между ними, – Генри вскинул фотоаппарат с огромным объективом и щёлкнул затвором:

–
И над Геенной не должно всходить Солнце.

–
А на самом деле? Нет границы между добром и злом. Нет границ между Царством Божьим и Княжеством Дьявольским.

–
Нет! И быть не может!

Они обернулись. Перед ними стоял представительный мужчина. Смуглое, как из бронзы отлитое, лицо. Глаза, в которых читалась холодность профессионального игрока в покер. Белая чалма, украшенная огромным бриллиантом в драгоценной оправе, золотой амулет с изображением пламени и презубца. Вся его внешность не оставляла сомнений в респектабельности и даже величии нового собеседника.

–
Княжество всегда было частью Царства. Или, по–вашему, Он создал только цветочки, а корни, гнилые плоды, черви, бактерии, вирусы, болезни, смерть – порождение Дьявола?

–
Смерть, если принять за истину библейский миф, мож

но считать заслугой людей, – начал Деми. – Их непослушание заставило Создателя найти эталон кары... Мы сейчас говорим в мифических понятиях и представлениях?

–

Я бы сказал, – в поэтических, – ответил вальяжный представитель Востока.

–

Какая разница? – вступил в разговор Генри, после того как закончил снимать незнакомца, привлекившего его профессиональное внимание своим экзотическим видом. – И тот, и другой – вымышленные образы.

–

Это те, которые нельзя зафиксировать вашим аппаратом? – усмехнулся неожиданный собеседник.

–

Хорошее определение, – улыбнулся Генри. – Отныне я буду называть свою профессию «фиксаторреальности».

–

Мы с вами сейчас находимся здесь – это реально?

–

Конечно!

–

Тогда, пожалуйста, пойдите и сделайте несколько моих снимков. Я Вам буду очень признателен. А мы, ожидая Вас, пока побеседуем с Вашим коллегой.

—
Буду рад услужить такому интересному человеку, — улыбнулся английский джентльмен и хотел уже отойти. — Скажите, пожалуйста, как Вас зовут. Я сделаю подписи под фотографиями.

—
Адамбек.

—
Спасибо. Минут через сорок я вернусь.

—
А Ваше имя? — обратился Адамбек к Деми.

—
Демиург. Близкие зовут...

—
Не надо. Я буду звать Вас Демиургом. Если не ошибаюсь (ая никогда не ошибаюсь), по-гречески это значит — созидательная сила, мастер.

—
Не знаю, как насчёт «никогда», — улыбнулся Деми, — но сейчас Вы сказали правду.

—
За то меня и не любят, что я всегда говорю правду.

—
Это очень осложняет существование?

—
Да, но это — моя доля.

—
Невольно зауважасяешь такого собеседника.

—
Не особенно уверен в уважении, а вот в страхе — абсолютно. Меня все боятся. И знакомые, и незнакомые.

—
Пока не вижу причины бояться.

—
Ну, а если я Вам сейчас скажу, что Вы — пособник Дьявола?

—
Я отвечу, что Вы великий фантазёр. Мне уже

достаточно лет, но не могу вспомнить ни одного человека, которому я причинил бы зло.

—
А, по-вашему, Правитель Земного Княжества — воплощённое зло?

—
Ну, если мы остаёмся в рамках мифологий, — да.

—
А если перейдём на личный опыт?

—
Смешно! Где мне взять личный опыт знакомства с этим Правителем?

Смешно-не смешно, а два случая тесного сотрудничества, о которых знает весь мир, вы совсем скоро вспомните и будете удивлены, что это, оказывается, не так уж страшно. Вы вспомните самые прекрасные годы жизни. Вы сделаете открытие относительно самого себя и будете этому безгранично рады.

—

Я понимаю, что нахожусь на земле, породившей самое большое количество мифов, – Деми говорил с усмешкой, но в его голосе зазвучали нотки растерянности. – Я слышу в Ваших словах интонации пророчества. Я вижу перед собой Вас, чья внешность соответствует... облику Великого Правителя. Но поверить в своё сотрудничество с самим Дьяволом – невероятно.

—

Можете не верить, – безразлично-усталым тоном ответил Адамбек. – А вот как, по-вашему, сложилась бы судьба доктора Фауста, если бы Сатана не надоумил Мартина Лютера пересмотреть устои Папской Церкви?

—

Знаете, как-то не задумывался, – ответил Деми. Но в этот же момент перед его взором пронеслась страшная картина сожжения на инквизиторском костре. Сжигали его самого, – он и был этим великим естествоиспытателем, доктором Фаустом.

—

Вот, – беспристрастно констатировал Адамбек, – а ведь доктор сумел пережить вторую молодость благодаря усилиям этого самого страшного Князя Земли. – На лице Адамбека появилась ехидная улыбка. – А Вы говорите: «Не задумывался». Задумайтесь, всё же Фауст остался в долгу перед Бесом. Договор-то не расторгнут. – Он посмотрел в упор в расширенные от изумления глаза Демшурга.

ЛЕВ АРЬЕ

Студенты археологического факультета ведут раскопки на развалинах Метехского* замка. Тяжёлая каменная глыба нависла над стеной, увешанной только что раскопанными прекрасными древними иконами. Под ней из ещё не разрытого угла торчит край рамки. Лев бережно откапывает её. Он выносит из ямы икону редчайшей красоты. В этот момент огромная нависшая глыба обрушивается на стену. Выкопанные иконы вновь оказываются захороненными. Леван прячет спасённую икону под рубашку и бежит домой. Дорога к дому длинная, новая и незнакомая. Он идёт, ползёт, снова бежит. Икона под рубашкой греет его неведомым райским теплом. Остановившись, чтобы перевести дух, Лев вытаскивает икону, и она придаёт ему силы. Лицо великомученицы с каждым разом всё светлее. Вот и дом. На самом пороге его сидит торговец пивом из ближайшего киоска. Леван, торопясь, пробегает мимо. Торговец вытягивает ногу. Лев спотыкается, падает, икона выскакивает из-за пазухи. Ветер вырывает

образ из рамы, и он взвивается в небо, пропадая за облаками. Лев подбирает пустую раму, садится рядом с продавцом и обсуждает с ним вчерашний футбольный матч. Они сидят уже не на ступенях дома, а возле бочки с пивом, и продавец льёт его из бочки в кружку. Большая шапка пены играет под лучами солнца. Новый друг угощает Льва, тот пьёт пену с водой и благодарит щедрого друга... Звонкая пчела, громко жужжа, кружится над пеной...

Лев Арье** открыл глаза. Пчела исчезла. Жужжал зуммер.

–
Доброе утро, мой мальчик! – услышал он знакомый голос.

–
Доброе утро! Има,***ты из дома или из больницы?

–
Из больницы, дорогой. Видно, она и станет моим последним домом. Позови Нану!

–
Сейчас. Подожди, пожалуйста.

–
Има! Доброе утро! Как дела? – Нана говорила с параллельного аппарата.

**Метехский замок – в Тбилиси над Курой.*

***Лев Арье: Лев (иврит) – сердце; Арье (иврит) – лев. В данном сочетании – это прилагательное: льва.*

****Има – мама (иврит). Здесь: семейное прозвище.*

Лев положил трубку. Его мучило подсознательное беспокойство, вызванное ночным видением. Самого сна он почти не помнил, но ощущал приближение какого-то фатального события.

Он сел, принял позу лотоса и занялся медитацией. Долго не удавалось преодолеть беспокойство, расслабиться, сосредоточиться.

—

К тебе можно? – вмешательство извне прервало ещё не начавшееся занятие. Не дожидаясь приглашения, Нана вошла в комнату сына:

—

Через два дня начнут проводить курс химиотерапии. Има в очень подавленном состоянии. Я, как могла, утешала её. Скажи, она умрёт?

Лев сидел на своей жёсткой тахте в прежней позе и смотрел на мать.

—

Ты меня слышишь?

Лев закрыл и открыл веки.

—

Ты можешь мне ответить?

Мать, наученная долгим опытом, знала, когда можно тревожить сына, а когда нельзя.

—

Чего ты молчишь? Ты что, не видишь, что мне страшно от одной только мысли, что Има может умереть.

Лев сделал глубокий выдох, облокотился о стенку, выпрямил ноги и заложил ладони за затылок. Нана увидела искорку раздражения во взгляде сына. Она сложила руки на груди, но не отступила. Сын улыбнулся, встал, подошёл к ней, обнял, заглянул в глаза и сказал:

—

Судя по голосу, в ближайшие годы она смерти не дожждётся. Не нужно нервничать. Помнишь, за год до болезни я сказал, что начинается тёмная полоса в её жизни. Эта полоса длиною в три года. Через год, когда она заболела, я сказал, что это последняя болезнь в её жизни, но умрёт она не от неё. А по гороскопу со вчерашнего дня начался период её эмоционального подъёма и физического возрождения. В течение ближайших пяти лет никакие трагические случайности нашей Име не грозят.

Мать уткнулась ему в грудь и замерла. Глядя куда-то вдаль, он продолжил:

—

А вообще... Повидать бы её, успокоить.

—

Ой, Лейбеле! – в порыве нежности она часто называла сына любимым именем своего деда, Соломона, – Има про

сила приехать и привезти всё для седера. Через неделю

Пейсах*. Она хочет в своей палате провести седед** для всех больных евреев.

– Вот! Вот она, наша Има! Ай, да примадонна с вывертами! Это же надо? Кричит, что одной ногой в могиле, – Лев вдруг так развеселился, что мать, не поняв причины веселья сына, даже попятилась от него, – а сама бунт поднимает! Это же надо! В первопрестольной христианской православной Москве, да ещё в столице ортодоксального материализма, больной философ всенародно справляет пейсаховый седед! Я сказал, что она от болезни не умрёт? Ошибся! Своей смертью она не умрёт! Прибьют нашу бунтарку либо христиане, либо нехристи, либо ещё кто-нибудь. Повезу я ей седурим. Готовь мацу и свечи, мама.

« »

–

Шалом! – прошептал Леван, наклонившись над спящей тёткой своего отца. – Гамарджоба,*** Имули!

В семье Арье все давно позабыли, что эту шестидесяти-восьмилетнюю, всё ещё красивую даму звали Натали Арье, как и зафиксировано в её личных документах. Семейное звание Има появилось с лёгкой руки любимого внучатого племянника, который сейчас стоял на коленях у изголовья её постели.

–

Если ты не откроешь глаза, то не увидишь букет прекрасных, ещё влажных от росы роз из Тбилиси, – пригрозил он

больной, – отдам их твоей соседке по палате, она от радости выздоровеет, влюбится в меня и попросится замуж. Я не смогу ей отказать, и ты потеряешь возможность командовать мною.

–

Ты прирождённый трепач, – даже не пошевелившись, заговорила больная, – но, если подаришь девочке цветы, я скажу, что ты добрый мальчик, и буду тобою гордиться.

**Пейсах – праздник исхода евреев из рабства в Египте. Еврейская пасха.*

***Седер – пасхальный праздничный ужин; порядок проведения этого ужина.*

****Гамарджоба – пожелание победы; приветствие (груз.)*

Арье поднялся с колен, взял букет, спрятал за спину под накинутый на плечи халат и повернулся к соседней койке...

Всю жизнь Лев Соломонович Арье будет помнить бесконечно усталый, полный непередаваемых страданий, покорный судьбе, – взгляд ангела.

Ироническая улыбка, с которой он повернулся, уступила место сочувствию, состраданию, а затем – удивлению и, наконец, восхищению.

Пока с его лицом происходили эти метаморфозы, Има рассказала всю историю своей молодой соседки:

–

У Леночки запущенная саркома на левой ноге; врачи боятся скоротечности процесса; ей с каждым днём всё хуже. Родителей подготовили к тому, что жить Леночке осталось не более двух-трёх месяцев. Послезавтра начнут делать химиотерапию, но положительного результата никто не ждёт.

Има продолжила свой рассказ по-грузински, чтобы не смущать девочку:

—
Бедный ребёнок живёт на наркотиках. Господи! За что эти муки невинному созданию! Как могла она за свои неполные семнадцать лет столько нагрешить, чтобы в наказание выносить такие боли, а потом умереть, так и не увидев мир? Несправедливо это!

Она подошла к девочке, подложила ей подушку, пригладила волосы, поцеловала в лоб.

—
Вай мэ, швило*! – запричитала Има. – Если Леночка умрёт, не смогу я жить спокойно. Посмотри, какой ангел! Знаешь, что я подумала? – она взяла руку внука в свои маленькие ладошки, притянула её к губам и, глядя на него в упор, сказала:

—
Если это непорочное создание так страшно мучается, то что будет с такой грешницей, как я, когда Он заберёт меня? Это меня пугает!

—

Барух ха-шем**! Ты не грешила пред Ним. А перед людьми твой единственный грех – любовь! Сколько мужчин ты любила? Ничего! Я тебе прощаю. Ведь я – твоя последняя любовь?

–

Я же сказала – ты трепач. Но ты моя самая большая слабость. Что бы я делала, если на старости лет не подарили

**Швило – обращение «ребёнок» (грузинский).*

***Барух ха-шем – «благословение Его» (иврит).*

бы мне тебя? Наночка – святая. Она принесла тебя в этот мир на мой полувековой юбилей... Только отпраздновать наши круглые даты мне, видно, не придётся.

–

Ты мне веришь? – крепко обняв её рукой с букетом, спросил внук.

–

Только когда ты не валяешь дурака.

–

Жить тебе здоровенькой, не менее чем до моих двадцати пяти. И болеть ты не будешь больше аж до самой смерти.

Има поцеловала руку внука:

–

Ты бессовестный лгун, мой маль-чик Ле-ван-чик! – произнесла она удушливым шепотом, взяла термос и вышла из палаты.

Но Леван хорошо знал, что она поверила ему безоговорочно. Крёстная называла его и мальчиком, и трепачом, и вообще обращалась с ним, как с котёнком, но верила, почти как Богу. Когда её упрекали за такое безграничное доверие к словам и поступкам ребёнка, Има отвечала с непоколебимой уверенностью:

—

Гений тем и отличается от простого грешника, что он абсолютен. Он либо абсолютный грешник, либо святой. Лёвушка – святой!

Натали Арье прожила жизнь, полную событий и превратностей судьбы. Она была фатально красива, умна от рождения, широко образована, страстна, любознательна и предельно честна. Мужчины, влюблявшиеся в неё, обладали бурным темпераментом и талантами. Они сами по себе были обречены на яркую, но короткую жизнь, а она, оставшись трижды вдовой, приобрела звание «роковой женщины». Своих детей у неё не было. Поэтому профессор Тбилисского и Оксфордского университетов, эксперт ЮНЕСКО Наталия Арье-Глonti, вернувшись с юбилейного вечера в честь своего пятидесятилетия, восприняла вест о рождении сына у любимого племянника, как персональный подарок судьбы. С каждым годом всё более сокращая свою общественную занятость, оставив должность в ЮНЕСКО, она назначила себя гувернанткой внука, добросовестно и с любовью трудилась в этой должности, за что и получила титул Има.

Одарённый от рождения и воспитанный такой гувернанткой, восемнадцатилетний Лев Арье был полностью самостоятельным, энциклопедически образованным и

необычайно духовно развитым молодым человеком. Он рано определил сферу своей деятельности: изучение сути духовных сил человека и живой природы. Вот так – просто и лаконично. И это в двенадцатилетнем возрасте! Поверьте, бывает.

Лев стоял перед кроватью Леночки. Бледное личико девочки оставляло ощущение ожившего лика с иконы великомученицы...

Да! Оно! На иконе из Метехского замка!.. Её лицо!..

–

Подайте, пожалуйста, воды. Там, на тумбочке, в стакане, – голос Леночки слабый, но наполненный, грудной, тёплый.

Лев подал воды, поддержал головку, помог больной напиться. Она выпила, поблагодарила взглядом и снова закрыла глаза.

Он вспомнил о цветах. Нашёл в тумбочке Имы литровую банку, налил в неё воды, поставил банку на стул возле кровати больной и снял целлофановую упаковку с букета.

–

Разрешите преподнести розы самой красивой девушке. Эти розы прислала моя мама. Она сама их разводит возле нашего дома. Сегодня утром она их срезала и сказала, что-

бы я вам подарил. Понюхайте. Они пахнут Грузией, домом, мамой!

–

Спасибо! – Лена сделала над собой усилие и улыбнулась. – Розы пахнут ясным днем, а у нас пасмурно.

–

Правильно, – обрадовался Леван её ассоциации, – это лучики солнца, они должны вас согреть.

–

Мне, правда, холодно. Попросите няню – пусть даст грелку. Пожалуйста.

–

Сейчас.

Он поставил букет в банку и пошёл искать няню. В коридоре Леван встретил Иму. Они нашли санитарку, передали ей просьбу Лены, а сами сели в холле.

–

Что ты знаешь о саркоме? – спросил Лев.

–

Насколько я поняла из разговоров, это разновидность рака. Опухоль кости или кожи. Недоброкачественная, конечно.

–

Има! Может, я и не прав, но после того, как ты заболела, я много читал и думал. Рак – не вирусное заболевание, не травматическое и не функциональное.

–

Да, предполагают, что это заболевание наследствен

ное. – Усевшись поудобнее в кресло, профессор философии Натали Арье приготовилась вкушать самое большое удовольствие – общаться со своим мальчиком.

–

Но наследственное заболевание должно иметь своё отображение в структуре ДНК, а такого факта тоже нет.

–

Да. Причина раковых заболеваний – пока ещё загадка. Я здесь общалась с ведущими специалистами. Они считают, что это чисто теоретический и на данный момент спорный вопрос. Есть много мнений, но нет общего. Врачей сейчас больше волнуют проблемы освоения эффективных методик лечения.

–

Не выявив причины заболевания, его можно только заглушить.

–

Ты абсолютно прав. Невозможно полностью исцелить человека, не зная природу его болезни.

–

Так вот. Мне кажется, что это чисто духовные нарушения, а травмы, физиологические аномалии, наследственные особенности – лишь провоцирующие факторы.

–

То есть это – духовная болезнь? А что значит «духовная болезнь»?

–

Существует информация, которая не отражена в материальном виде. Эта информация находится на более высоком, духовном, уровне.

–

А поскольку на духовном уровне медицина не практикует, то нам и нечего ждать!

–

Я собрал сведения по случаям исцеления. Были ситуации, когда безнадежные больные, на которых врачи махнули рукой, через некоторое время исцелялись так, что никакие анализы не могли обнаружить и следов болезни. Так вот, среди этих исцелившихся ... материалистов нет!

–

Ты хочешь сказать...

–

Что лечение молитвами, заговорами, обрядами – не сказки.

–

Ты знаешь таких врачей?

–

Нет. Но можно узнать.

–

Они способны исцелять полностью и всегда?

—

Не думаю. Они не способны исцелить неверующего – это точно. – Лев задумался. – Не может быть излечена болезнь, перешедшая черту фатальности. Многие занимаются обманом, шарлатанством, берутся за такое святое дело, не имея

ни веры, ни знаний. Часто лечение не даёт результата. Мудрые учёные не могут разобраться в их способностях. Поэтому знахарей предают анафеме всех вместе. А ведь медицина таких уникальных результатов ни разу не получала!

—

Как так?

—

А вот так! Нет ни одного случая полного излечения больного раком в сколь-нибудь серьёзной стадии заболевания. Отсюда вывод: врачи лечат тело и в результате только тормозят развитие болезни; знахари лечат нетелесную основу и излечивают тело полностью, – значит, причина болезни не материальная, а духовная.

—

Я подумаю. Но сдаётся мне, что ты близок к истине. Она честно старалась ему оппонировать. Мешала любовь к своему воспитаннику. Лишь ценой дополнительных усилий ей удавалось находить контраргументы.

—

Но даже если ты прав, это тупик.

—

Почему?

—

Кто будет лечить больных? Знахарь? А как установить квалификацию и порядочность этого врача? Только по результату?

—

Нет! Вообще, — Леван подумал, — это задача для самого больного и его близких.

—

Сомневаюсь я, что многие выживут, если всё будет зависеть от семьи. Ладно. Уже поздно. Пойдём. Я провожу тебя. Завтра придёшь после двух. Не надо путаться у врачей под ногами.

Перед сном Лев всегда проводил сеансы медитации. Эти занятия заключались в попытках достижения абсолютного покоя, отрешённости от всех проблем и задач. Медитации наполняли его ощущением гармонии и, если не теоретическим, то интуитивным пониманием законов природы. Они придавали ему чувство уверенности во всём, что он делал.

Закончив медитацию, Лев поменял позу. Он сделал несколько глубоких вдохов, затем выдохнул весь воздух из лёгких, наклонился и стал молиться:

—

Создатель! — дыхание его стало самопроизвольным и не мешало сосредоточиться на молитве. — Прости мне горды-

ню. Я не посягаю на тайны, которые Ты сокрыл от человека. Это – Твой промысел. Сколько бы мне ни трудиться, понять Тебя до конца – невозможно! Ты беспределен! Если даже Ты будешь всегда и сразу отвечать на все наши вопросы, мир,

созданный Тобой, останется для нас неразгаданной тайной. Ты создал его из небытия. Твоя Вечность сейчас не похожа на Тьму над Бездной.

А посему – слава Тебе, Всевышний, пребывающий всегда и во всём! Не мне решать чью бы то ни было судьбу! Но есть во мне вера. Это придаёт мне силы, внушает смелость просить Тебя о милости: не обрывай незрелую судьбу этой девочки! Дай ей силу справиться с порчей, которую незаслуженно наслали на неё! Вразуми, если я в чём-то ошибаюсь! Поддержи, если споткнусь на этом трудном и незнакомом мне пути!

Не осмелюсь утверждать, но надеюсь, что мои намерения соответствуют Твоим желаниям. Ведь Ты – Вершитель Любви и Добра! А мои намерения также только в этом и состоят!

Направь и помоги!

Да пребудет воля Твоя!

Аминь!

Лев встал, принял душ и залез под одеяло. День был завершён. Спать! Утро покажет что, когда, как и где.

Демид! – слышался тревожный голос Генри. – Где этот шейх?

–

Был только что здесь. – Они растерянно озирались по сторонам. – Ну, не мог же такой солидный мужчина раствориться, как табачный дым?

–

Мог! Вот он – мог, – вдруг озарило Генри. – Мне он сразу показался подозрительным. А что ты думаешь насчёт этого? – Он показал три снимка, на которых была сфотографирована улица, прохожие, Демид в углу снимка на фоне Храмовой Горы.

–

Это кадры, на которые я снимал... его! Демид, это Нечистая сила. Что она делает в Святом Городе?

Генри начал распаляться:

–

Здесь зреет что-то неладное!

И уже в истерико-патетическом раже он заявил:

–

Надо срочно созвать старейшин всех религий и предъявить им фотографии. Они должны что-нибудь придумать, чтобы найти и изгнать из святого Иерусалима эту нечистую силу.

–

Ну, ладно...

Деми нерешительно и растерянно озирался, смотрел на фотографии и хлопал глазами:

—

Так ты думаешь, что равви, попы, ксендзы, муллы соберутся, для того чтобы вместе изгнать того, которого нет?

Генри утвердительно кивнул.

— Они враждуют между собой, — Деми попытался остудить праведный порыв профессионального «агитатора, горлана, главаря».

—

Они враждуют в миру, а проблемы святости Иерусалима — их общие. Война с нечистой силой — их основная задача. Пошли, — Генри схватил Деми за руку и потащил за собой, — это и наша удача, и наш долг. Понимаешь? Провидение привело нас сюда и устроило такую встречу. Мы с тобой участники, инициаторы и репортёры самой великой сенсации в истории мира!

—

Да погоди ты! — Деми выдернул свою руку. — Что ты ведёшь себя, как ребёнок? Куда тебя несёт?

—

Сначала в Главный Раввинат — иудеи здесь хозяева. Потом в представительство Ватикана — это самая могущественная религия. Затем надо обратиться к руководству мечети Аль-Акса — они здесь представляют мусульман. В

Иерусалиме есть представительства всех религиозных конфессий.

Генри остановился, но внутренний огонь деятельности и решительности разгорался в нём всё сильнее.

—
Необходимо будет собрать

...

—
Собрать и повести в бой против Нечистой Силы? Деми смотрел на коллегу с явной иронией.

—
Да! – в революционном пафосе воскликнул Генри.

—
Повести отряды святых отцов всех народов и религий

...

—
Генри, дружище, – Деми схватил англичанина за плечи и уставился в его пылкие глаза своим спокойным и жёстким взглядом, – каждый религиозный лидер скажет тебе, что чем больше бес будет досажда́ть «неверным», тем лучше для его «святой веры». А дьявол, в отличие от Бога, один для всех святых учений. Дорогой пуританин, – Деми, хоть и был растерян, но сохранил присутствие духа и сумел отстранённо посмотреть на ситуацию, – до тех пор, пока святые отцы всех религий проклинают инакомыслящих,

князь Земли будет всемогущ и не позволит свершиться ни появлению Машиаха, ни Второму Пришествию, ни воцарению рая на Земле.*

Так что, давай выпьем кофе и насладимся ощущением радости от присутствия в таком благодатном месте. Сиди, отдыхай и дай своей душе покой. Не рвись в бой. Суетно это.

ВАСИЛЬ СЛАВЕНКО

Семья Василя Славенко жила на Запорожье с незапамятных времён. Эта была их земля. Здесь рождались, жили, множились и умирали все их предки. Они растили хлеб, пасли скот, сажали сады, любили, рожали детей, встречали дорогих гостей и ненавистных врагов. Каждый камешек и каждый кустик здесь были их частью, чувствовали тепло и силу их рук, ласку взгляда, соль пота и влажную вязкость крови. Это Наталка Славенко родила Тараса Бульбу, да и в жилах гетмана Сагайдачного текла их кровь.

И статью, и силой духа, и цветом глаз, и шириной души Василь сам походил на запорожские просторы. Бесхитростный, вольный, сильный и спокойный, все свои годы проходил он по этой земле.

Пас скот, играл на сопелке, ел грибы и ягоды, пил молоко и ключевую водицу, спал на густой траве, укрывшись звёздным небом, – жил степной жизнью.

Сильный и весёлый от рождения, своеобразием своих поступков он часто удивлял близких и просто знакомых людей.

Спать в постели не любил. Родители часто находили сы-

нишку то в сене на крыше, то в яслях у отары.

Упав или получив ушиб, Василь сначала морщился от боли, потом его ясная улыбка вновь озаряла лицо, и он продолжал играть. Если рана была серьёзной, он её зализывал или промывал водой, а затем прикладывал к ней листья трав. Откуда было знать ребёнку назначение трав? Однако все ушибы заживали на нём быстро, а раны не оставляли шрамов.

Сколько дум передумала Степанида Игоревна, прежде чем поняла, что её сын не говорит в три года не потому, что **Маишах – Спаситель, Искупитель (иврит).*

21

немой, а потому, что не желает разговаривать. Он никогда не останавливался, чтобы послушать разговоры старших, ответить на оклик или замечание.

Другое дело – стихи, сказки. Каждое слово рассказчика вызывало массу эмоций, которые отражались в его синих, как небо, большущих глазах, в живой мимике. Когда в сказке заходила речь про Бабу-Ягу или Змея Горыныча, или любую другую «нечистую силу», то реакция молчуна поражала родителей. Ребёнок вставал, тело напрягалось так, что об его щёки можно было разбивать яйца, руки хватали первый попавшийся твердый предмет и, расставив ноги и пригнувшись, Василь застывал, внимательно следя за происходящим вокруг. Не понимая причины такой реакции, родители пугались, но после нескольких неудачных попыток объяснить ре-

бёнку, что это сказочный вымысел, перестали ему докучать. А бабушка Груня смотрела на малыша влюблённым радостным взглядом и успокаивала Степаниду:

– Это божий подарочек. Его нельзя трогать. Он сам расцветёт нам на радость!

Часто отец брал в руки бандуру, и под её аккомпанемент вся семья пела. Под звуки музыки Василь становился ласковым и ручным. А когда ему было четыре года, родители обнаружили, что сын играет на сопелке колхозного пастуха. Отец купил ему маленькую бандуру и вскоре был поражён тем, что сын без обучения и репетиций сыграл весь его репертуар.

Сколько ни старались сельские острословы, выдумывая подходящие клички, ни одна из них не прилипла к мальчику. Он не злился, не реагировал на них. Они его не задевали. Поэтому, не достигнув цели, прозвища довольно быстро забывались.

К десяти годам как-то само собой нашлось приемлемое обращение: Василий Степаныч.

Преподаватели школы удивлялись его способностям, но не понимали их своеобразия и не могли смириться с его самостоятельностью и независимостью. Да и традиционность методик не позволяла оценивать должным образом успехи необычного школьника. В первом классе Василь уже читал быстро, но только то, что сам хотел. Мальчик всегда искал свою книгу, что раздражало учителей, которые требовали

читать программный материал. Писать он не любил, любой

пересказ или сочинение сводил к нескольким предложениям, сжато и конкретно передающим суть. Учителю истории мальчик заявил прямо:

—

Вы всё лжёте!

Администрация школы, наконец, махнула на него рукой. И с третьего по десятый класс ему ставили тройки по всем гуманитарным предметам.

Так называемые «точные дисциплины» были для него просты и понятны. Он выполнял любые задачи по математике, физике, химии с одинаковой лёгкостью, часто находя нестандартные решения, и большей частью – в уме. Это тоже раздражало преподавателей, поскольку усложняло процесс проверки. Легко решая устно письменные контрольные задания, он нередко забывал записывать ход этих решений. В результате и по естественным дисциплинам ему ставили тройки.

Драчуны и задиры обычно относятся с уважением к обладателям недюжинной силы, стараясь вовлечь их в свои молодецкие игры. Вот и Колька, по прозвищу Шило, решил заставить Василя подраться. Дело кончилось тем, что Шило вывихнул плечо, вырываясь из цепких рук Василя. Правда, Кольке не пришлось ходить с вывихом, так как Василий Степаныч, как только понял, в чём дело, руку обратно и вставил.

Если отец его, Степан Славенко, родился и жил всю свою жизнь в родном селе, то историю матери Василя, Степаниды, судьба круто развернула с началом войны.

Её отец собрал жену и дочь в мгновение ока. Уже к полудню 23 июня Олёна со Стэпкой были у проходной завода с чемоданом тёплых вещей.

—

Не плачь и не переживай, — шептал отец на ухо своей жене возле машины, которая должна была довезти детей и женщин до вокзала в городе. — Я тебя найду.

Машина с заплаканными жёнами и напуганными детьми не доехала до вокзала. Мессершмидт заставил всех выскочить и разбежаться по полю. Когда самолёт улетел, Олёна, прикрывавшая собой Стэпку, почувствовала боль в ноге. Рана была сквозной и не задела кость. Люди помогли перевязать ногу, нашли палку с рогатиной, и мать с дочерью вместе со всеми продолжили путь в неизвестность. Ещё не совсем стемнело, когда толпа женщин и детей дошла до села.

Крестьяне радушно приняли их в свои хаты на ночлег. Утром все двинулись дальше в город, на вокзал. Только Олёна с дочерью не смогла продолжить путь. Ночью женщина стонала от боли и бредила из-за высокой температуры, а утром пришлось звать к ней лекарку. Та осмотрела рану и приказала отнести больную к ней. Так Степанида с матерью остались в хате бабки-лекарки, где и пережили войну.

Когда Олэна поправилась, в селе уже квартировали немцы. Баба Груня была смешливой и доброй. Она с удовольствием возилась со Стэпанкой, а та смотрела в бабкины глаза и училась радоваться жизни.

Война, как накатилась на село, так и откатилась, оставив после себя пустые и обгоревшие хаты, разваленные и искореженные человеческие судьбы. Только благодаря мудрому спокойствию и великому авторитету бабы Груни все опасности оккупации обошли стороной Олэну и Степаниду. Однако, война всё равно, как могла, постаралась: отец не вернулся, погиб при возвращении 27 мая 1945 года, закончив войну без единого ранения.

Через год Олэна вышла замуж, а баба Груня не отдала Стэпочку:

—

Молода ещё! Рожай! А Стэпуха моя! Нэ отдам!

Так Степанида, рождённая в пролетарской семье, стала селянкой, колхозницей, женой первого парня на селе, мать героя нашего повествования.

Василь вернулся из райцентра к вечеру. В военкомате ему дали предписание, по которому надо было явиться в следующий понедельник к девяти утра на вокзал. С этой вестью он вошёл к бабе Груне.

—

Ну, и славно! – поцеловала в лоб своего воспитанника бабка. – Я скоро помру. Нэ хвылюйся! Устала я от жыт–тя.

Далэко нэ пиду. Тут лягу. Повернэшься – зустринымось. Пидийды сюды!

Она вложила свои маленькие старые ручки в его огромные раскрытые ладони.

–

Ты светел. Не пускай в свою душу зла и страха. Люби всех. Люди слабы. Их нужно любить и защищать. Береги их! Каждый несёт в себе Творца. Просто они этого не знают. Учи их открывать в себе Святого Духа. Никто так меня не понимает, как ты. Жаль расставаться с тобой. Да мы и не расстанемся. Я всегда буду рядом. Ты только покличь!

Если бы в эту минуту кто-нибудь мог увидеть их тем взглядом, которым владели они! Вихри энергии плясали вокруг их тел всеми цветами радуги. Эти вихри обнимались, сливались и наполняли молодое тело парня.

–

Устала я, – прошептала старая знахарка. – Помоги прилечь. Так, хорошо!

Он вытер холодный пот с ее лица чистым полотенцем, которое висело на спинке кровати.

–

Спасибо тебе! Иди. У тебя много дел. Больше не возвращайся. Я тебя благословила. Иди и не оглядывайся. Я счастлива, что ты остаёшься. Иди!

Василь вышел из хаты в ореоле серебристой ауры, и слё-

зы катились по его щекам. Отойдя подальше, он укрылся за стволом старого дуба и завыл в голос. Его трясло. Он распластался ниц и отдался рыданиям.

Когда Василь пришёл в себя и перевернулся на спину, огромные звёзды дружно мерцали над ним. Он встал, глубоко вздохнул и пошёл домой.

После учебки младший сержант Василь Славенко прибыл в расположение части для прохождения дальнейшей службы. Урал, суровая зима, горы, лес. Из всего этого лес был единственным родным, близким и понятным. Всё остальное – непривычно. Но молодость легко адаптируется к любой обстановке. Уже утро следующего дня Василь встретил с ощущением родных стен казармы.

Во взводе связистов, которым ему предстояло командовать, было всего восемь солдат. Они менялись – по паре в каждый призыв. Славенко и Курочкин оказались самыми «молодыми».

Костя Курочкин – лощёный сын генерала ракетных войск. Он был старше Василя на целых пять лет. До армии окончил факультет прикладной физики. Уже прошёл преддипломную практику в Академгородке. Подавал надежды, но... надавал по физиономии секретарю комсомольской организации института, и отец загнал ретивого сына от греха подальше в лес.

Сегодня в распорядке дня кросс на три километра. Василь вывел взвод на старт. Побежали. Через минуту Куроч-

кин решил, что ему уже хватит бегать, и пошёл вольным шагом к казарме. Василь схватил лентя за ремень и продолжил с ним бег. Курочкин, опешив от неожиданности, непроизвольно

передвигал ногами, размахивал руками в разные стороны и пытался вырваться от неожиданного погонялы. Он требовал, чтобы Василь его отпустил, потом стал просить, потом угрожал сдохнуть в его руках. Через минуту, когда появилось второе дыхание, почувствовав, что может сам продолжить бег, он обогнал свой буксир и пришёл к финишу, уложившись в норматив. На финише он попытался упасть на землю, но сержант обнял его за плечи и потащил, постепенно замедляя ходьбу.

—

Ты чего пристал! Хочешь, чтоб я сдох? — немного придя в себя, когда дыхание восстановилось, раздражённо запричитал солдат. Василь засмеялся:

—

А ты здорово бегаешь! Шо, ты всегда укладываешься в норматив?

—

Псих ты, вот шо! — фыркнул Курочкин.

Капонир связи — рабочее место взвода. Здесь постоянно дежурит один из солдат-связистов, а взвод проводит занятия по изучению техники, настройке и ремонту аппаратуры.

Когда Василь увидел все эти механизмы, начиная от проводной телефонной станции и кончая аппаратурой спутниковой связи, его впервые в жизни охватило ощущение растерянности. Зато Курочкин чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Он всё время что-то паял, читал и рисовал схемы. А Василь наводил организационный порядок. Он построил стеллажи для запасных частей, обустроил рабочие места для дежурного связиста и ремонта аппаратуры, организовал уголок отдыха с креслами, диваном и журнальным столиком. Вместе они заменили электропроводку в капони́ре так, что вся аппаратура и осветительные приборы приобрели свои источники питания, и по полу уже не тянулись шнуры и кабели.

Каждое утро после развода Курочкин шёл на дежурство, и Василь, отправив остальных солдат на работы или занятия, спешил на станцию. Там друзья проводили всё время, свободное от внутренней службы.

Костя оказался прекрасным рассказчиком. Он расписывал другу про своё студенчество, городские нравы, пересказывал то, что знал, о модных течениях в искусстве и литературе. Василь слушал его с большим интересом. Для него это был другой мир. Он открывал его, с жадностью

прочитывая всё, что предлагал Кот: Кафку, Амаду, Аксёнова, Солженицына, Булгакова, Бредбери, Лема...

Но вскоре их разговоры приняли совершенно иной характер. Василь заговорил о духовности. Котик, воспитанный в

семье советского офицера, категорически не воспринимал ничего, что было связано с понятиями, отличающимися от материалистических. Библию он знал на уровне памфлетов «Занимательная Библия» и «Письма с того света». Однако когда Василь продемонстрировал ему свои умения ясновидения, предсказания, заговоры от болей и закономерности в совпадениях, Константин очень серьезно задумался. Потом согласился исполнять упражнения, развивающие видение ауры. Вскоре он на себе убедился в правдивости Василя и стал искать научные объяснения этим феноменам.

«Игений, парадоксов друг», – процитировал Константин, перед тем как сделать судьбоносный для себя вывод. Как ни парадоксально, а марксистское определение материи: «объективная реальность, данная нам в ощущениях», – верно! Неверно то, что мы понимаем слово «ощущения», как предел возможностей наших чувств. На самом же деле реальность состоит в том, что мир не содержит пустот. Он непрерывен и бесконечен. Следовательно, непрерывны и бесконечны наши ощущения. Значит, надо создавать методики, которые развивают и совершенствуют эти самые ощущения. Когда мы сумеем обучать детей не только очевидным фактам, а непосредственному видению сути вещей и ощущению всех взаимосвязей между ними, человечество достигнет совершенства и будет способно творить на уровне Творца.

Мы и есть – Творец, – Константин посмотрел на Василя,

ожидая его реакции.

—

Да! — подтвердил друг.

Так они всё своё свободное время в течение оставшихся полутора лет провели в беседах, занятиях и чтении книг, которые Константину присылала его мать.

После демобилизации Константин Курочкин поступил в духовную академию. Для Василя общение с Котом тоже не прошло даром. Он понял, что без систематического образования, которое даёт высшая школа, серьёзных результатов, при всех его способностях, ему достичь не удастся.

Поразмыслив на эту тему, Василий Степанович решил поступить в медицинский на психиатрию.

С приходом весны Василь уходил в луга, леса и возвращался с полным лукошком зелёных побегов, почек, трав, веточек, листочков. Банки с настоями, мешочки с высохшими растениями и прочие заготовки заполняли все полки погребка, сарая, кухни и его комнаты. Уже почти десять лет в семье с терпением, пониманием и уважением относились к его затеям.

Василь видел в людях то, что никому другому видеть не дано. Его часто просили погадать, предсказать судьбу. От этих просьб он отказывался, но легко определял обречённость даже в здоровом и весёлом человеке. В нём обнаружился дар целителя. Василь лечил многие болезни и непо-

нятным своим воздействием, и препаратами, которые сам составлял.

В средней части России и на Украине весенние заморозки, как последний аккорд зимы, совпадают с Пейсахом – еврейской пасхой, за что этот период в народе зовется «жидовскими кучками».

В канун «кучек» Василь с утра отправился на свои заготовки. Когда стемнело, он вышел из лесу на кручу Днепра и спустился к реке. За поворот кручи не задувал ветер. Василь разжёг костёр, заварил в кружке чай и, укутавшись в свитку, забылся.

Это не было ни состоянием задумчивости, ни бездумным отдыхом, ни сном. Просто исчезает важность ощущения реальности. Словно не существует ни места, ни времени, ни окружающего. Это не было сном, поскольку всё, что происходило в мозгу и теле, чётко фиксировалось, понималось и запоминалось. Он всегда с удовольствием погружался в это состояние, в котором его жизнь становилась гораздо более насыщенной явлениями, переживаниями и событиями. Он путешествовал в пространстве и во времени, встречался с людьми, наблюдал, познавал, понимал.

На этот раз, поднявшись над рекой и оглядевшись, Василий был очарован веером разноцветных облаков, над которыми спиралью закрученная радуга вела далеко за горизонт.

И везде – от собственного пупка

до беспредельной дали -

было начало, и был конец,

свет породил тьму,

*тьма тут же взрывалась фейерверком света, точки сли-
вались в образы, образы переплетались, создавая сложные
конструкции,*

конструкции разметались в пыль,

порождали свет и тьму,

начало и конец...

Всегда и никогда

всё менялось, оставаясь неизменным,

зарождалось и умирало в вечном своём бессмертии.

Насладившись этим неземным зрелищем, осознав яр-
кость красок и упорядоченность перспективы, он нырнул в
тёмный тоннель между веером облаков и радугой...

Каждое такое путешествие Василь начинает с попытки об-
щения со своим подопечным. До сих пор он мог только на-
блюдать за этим мальчиком. Надо постоянно навещать того,
который вырастает самостоятельно...

На Святой Земле сегодня суббота. Так положено! А коль скоро на Святой Земле суббота, то чудес долго ждать не приходится! Здесь они – дело житейское. Как только появляются проблемы, свершается чудо. Нет, это не «так кажется», а на самом деле так. Иначе эта земля не называлась бы Святой Землей.

–

Вот, как сейчас помню, – лениво шевелил мозгами Деми, – появлялись проблемы у советского народа – созывался съезд Советов, и все проблемы решал. Там была Советская Земля, а здесь – Святая. Поэтому здесь все проблемы решаются на Самом Высоком Уровне – куда там Съезду Советов! Здесь, в случае какой жизненной необходимости, к народу является не какой-то там секретарь ЦК, а, как минимум, ангел либо архангел. Были даже случаи, когда и сам Господь принимал непосредственное участие в решении жизненно важных проблем Своего Народа.

–

Истину молвишь! – услышал он голос.

Смотрит, – стоит такой, весь сияющий неведомым сиянием, в рубище, а над головой, вместо шляпы, кольцо белым светом светится.

–

Неужто, – думает Демиург, – нимб?

–

Однако какой ты неверующий! Видишь нимб, а сомневаешься!

—
Господи!!!

—
Ох! Не произноси всуе того, что не постигаешь. Чего это Ему к тебе являться? Достаточно и того, что меня послали. А я — не Он. Я далеко от Него. Моё место — у Врат стоять.

—
Архангел Гавриил!

—
Однако ж, гордыня в тебе великая! Негоже это. Ну, кто ты есть, чтобы к тебе моего хозяина прислали? Был бы ты какой-никакой пророк либо, на худой конец, премьер—министр, которому поручены судьбы Народа Божьего. А ты смерд неверующий. Воду в колодце мутящий. Истины не ведающий. Сомнениями обуреваемый. Грешными помыслами одолеваемый. Вот и прислали меня, младшего служку возле Врат, вразумить тебя. Очень ты мешаешь своими сомнениями. Докучаешь. Отвлекаешь от дел праведных. Выкладывай сомненья! Я дам тебе ответы. И чтоб более не мешал Творящим на Небеси.

—
Так ты охранник Врат Небесных?

—

Правда твоя.

—

А откуда ведомы тебе помыслы Творца? Как ты сможешь дать мне ответы на вопросы, если так же, как и я, не ведаешь помыслов Его? Мы с тобой по эту сторону Врат. А на ту сторону нас, возможно, никогда и не пустят.

—

Истину глаголишь! Мне вовек не быть по ту сторону. Я вечен. А ты, ежели уверуешь и перестанешь сомневаться, можешь войти в Царство Божие. Я не собираюсь рассказывать тебе о Его планах и помыслах. Неисповедимы Пути Господни! Но, как по-твоему, почему именно я стою у Врат? Почему не кто-нибудь другой?

—

Тебя назначили, — без тени сомнения ответил совслужащий на абсолютно, по его мнению, дурацкий вопрос.*

—

Расскажи, будь добр, как это тебе представляется. Деми вдруг чуть было не поперхнулся со смеху. Ему представилась огромная Небесная Канцелярия, по коридорам которой благодетель водит несмышленного ангелочка

**Совслужащий — служащий государственного учреждения СССР.*

Все СМИ принадлежали государству.

за руку, рекомендуя каждому встречному клерку.

—
Смешно?! Сам в такое поверить не можешь?

—
Но тогда как же? — в искреннем недоумении спросил гость Иерусалима.

—
А кто назначал Платона, Аристотеля, да Винчи, Моцарта, Канта, Байрона, Пушкина, Эйнштейна?..

—
Но они ведь — гении!.. — советский журналист осёкся. Что за чушь! Перед ним стоит гений охранных дел?

—
Да, — услышал он спокойный голос, — мы верим в то, что творим. Поэтому нас никто не назначает.

—
У-у-у! Приехали. Наполеон в палате дурдома тоже верит.

—
Воистину! Но он при деле? Дела его видны? А наши? Мои, Галилея, Ван Гога? Да и того же Бонапарта?

—
Что ты хочешь сказать? — у Деми совсем заклинило мозги.

—
Ничего. Просто мы творим согласно Его воле. Нам не надо инструкций, распоряжений, письменных указаний. Мы

никогда не нарушаем законов Божьих. Мы не учимся гармонии. – Мы всегда поступаем согласно её законам, потому что мы веруем и движимы верой.

–

А политики?

–

Вот куда тебя занесло! А как ты думаешь? Политики движимы верой?

–

Конечно. Их вера – счастье народа.

–

Однако путаник ты великий. Это заявленная политиками цель. О ней они красиво рассуждают, всякий раз предавая и продавая её. На их языке это называется «искусством компромисса». Верят они в своё, а не в Его величие. Если бы ими двигала вера, мир уже давно управлялся бы не политиками, а законами гармонии.

–

Но почему же тогда Он допускает...

–

А вот этого не надо! – прервал гений охранных дел наглеца. – Бог ничего бы не допускал, если бы человек не пожелал сам вершить свою судьбу. Ты мог бы не допустить беременность дочери, но так, чтобы она этого пожелала сама и оказалась при этом счастливой? Бог породил человечество. Ты породил дочь. Ты не можешь управлять поступками до-

чери, но ощущаешь ответственность за её судьбу.

-

Что толку в этом «ощущении ответственности»? Я уже не могу ничего решать в её судьбе. Я ей не нужен. Так же – и Бог человечеству.

-

Совсем неразумный ты! Амбициозен настолько, что сомнениями своими да вопросами и воплями смущаешь Создателя. Был бы ты умён, то уразумел бы... Ты не нужен детям своим, пока они сами справляются со своей судьбой. Бросил ли тебя Господь, когда ты погибал? Не указал ли Он тебе путь к спасению? Не создал ли спасительной ситуации? Не озарил ли мозг твой, дабы ты ею воспользовался? Вот и ты стоишь стражем судеб твоих детей. Уйдёшь ты, у них останется только один хранитель – Сам Создатель. А чтобы не грешить, а жить в согласии с Его волей – верь! Если ты способен творить много, не утомляться, а получать удовольствие от содеянного, – значит, это дело твоё. Если оно тебя тяготит, ты никак не можешь понять его смысла, – брось, не занимай чужого места, не убивай себя трудом ради хлеба насущного. Тленно это! Прощай и помни: «Будет день, и будет пища!»

-

Какое счастье, что мы на Святой Земле, – есть, кому направить на путь истинный! – Деми открыл глаза. Пти-

чий щебет подтверждал скорое доброе утро.

ЧУДЕСА НАЧИНАЮТСЯ

Комната была освещена семью свечами, горящими в подсвечнике, стоящем посреди небольшого стола. Кроме подсвечника, на столе были бутылка «Хванчкары» специального разлива*, медовые сладости, низкая хрустальная ваза с фруктами, тарелка с мацой, винные бокалы, салфетки, цветы. Вокруг стола расположились трое очень разных чело- век; среди них выделялся здоровьем и молодостью худоща- вый кудрявый юноша. Стол был придвинут к кровати, на которой лежало измождённое тело ангелочка. На исхудав- шем маленьком фаянсовом личике ярко горели лазурно-го- лубым светом отчаянно уставшие глаза. Кроткий, удивлён- ный и всепрощающий взгляд был устремлён на даму солид- ного

**Продукты повышенного качества и ограниченного
ассортимента в «стране всеобщего равенства» продава-
лись только в спецраспределителях для «более равных среди
равных».*

возраста, статью своей походившую на императрицу, ко- торую все собравшиеся слушали со смиренным вниманием:

—

Ты задала хороший вопрос. Пейсах, пасха – это праздники во спасенье. Пейсах отмечает день исхода евреев из Египта, освобождение от рабства. Пасха отмечает день воскрешения

Христа, освобождение человечества от первородного греха, который Христос искупил своими муками на распяты.

–

Тогда почему евреи не справляют пасху? Ведь это искупление совершено Христом за всех людей?

–

Леночка! Ты чудо-девочка! – воскликнула Натали Арье и задумалась.

–

Евреи не признали Иисуса Христа как искупителя, – Лев решил взять на себя продолжение диалога. – Наш народ всё ещё ждёт его прихода.

–

Почему?

–

Скажи, пожалуйста, Леночка, может ли царь быть без войска, без золота?

–

Конечно, нет! – не моргнув, ответила Леночка.

–

Вот, видишь! А Христос был бедным евреем, ходил в рубище, жил, где придётся, называл себя Царём Иудейским и призывал изменить не нравившиеся ему законы. – Лев вопросительно посмотрел на девочку и задал очередной вопрос: – Как ты думаешь, за кого приняли Христа правители Израиля?

–

За бунтовщика? – Леночка даже забыла про боль, сделав это удивительное открытие.

–

Вот, его и казнили, как бунтовщика, – обрадовался её непосредственности Лёвушка. – Как видишь, еврейские власти отдали на казнь своего бунтовщика, а не Сына Божьего христиан.

–

А как же тогда он стал Сыном Божьим? – Леночка даже приподнялась в постели.

В голове Левана мысли стали толпиться и вытеснять друг друга. С одной стороны, он мог сказать, что еврейские хулиганы создали миф, а христиане в него поверили. С другой, – он мог признать ошибку израильтян, обвинив их в амбициозной близорукости. Кроме этих двух, были ещё и промежуточные версии. Что выбрать? Как бы не погрешить

против справедливости, не нарушить душевный покой этого страдающего ангелочка?

–

До Христа, – Има вовремя очнулась от задумчивости,

–

общепринятой была мораль, основанная на принципах прагматизма... – Она увидела вопросительный взгляд Леночки, улыбнулась и пояснила, – выгоды. Если человек по-

ступал так, как ему выгодно, то считалось, что он поступает правильно. Христианство ввело мораль, основанную на понятиях гуманности. Сегодня существует одна общечеловеческая мораль, записанная в «Билле о правах человека». Если учесть, что у христиан и у иудеев один Бог, то что остаётся?

—

Традиции! Вся разница между христианами и иудеями сегодня состоит только в разности национальных традиций, сложившихся веками.

—

И ещё! – вдруг оживился Лёвушка. – Христиане, приняв Христа как Сына Божьего, считают, что они свободны от первородного греха. Евреи, отвергнув Иисуса из Назарета, считают себя носителями этого греха. И когда евреев обвиняют в том, что они всему виной, – евреи не особенно оправдываются. На них грех Адама и Евы! – Ехидная улыбка вдруг покинула лицо Лёвушки. – За что же не любить людей, которые добровольно взяли на себя грехи всего мира? Либо в лице одного Иешуа Ха-Ноцри, либо целиком, всей нацией?

—

О, Господи! – воскликнула Има. Леночка закусила губу, откинулась на подушку, ухватилась за спинку кровати и сжала веки.

—

Спокойно! – скомандовала молчавшая до сих пор Шела

Моисеевна. Она наложила жгут на руку больной и проворным движением вогнула иглу в вену. Леночка разжала веки, руки, размякла, и дыхание её стало ровным и спокойным. – Тихо, девочка. Отдыхай. – Она стала собирать инструменты. – Спасибо тебе, дорогая Ната. Я и не надеялась так хорошо отметить Пейсах. Кому скажешь, что у тебя праздник? В первый раз Пейсах на дежурстве. Всю жизнь помнить буду. Ну, а Лёвушка – философ, – улыбнулась доктор доброй материнской улыбкой. – Не хуже своей тети. Я сегодня впервые задумалась над глубокой связью между религиями. Тут если с вами поселиться, можно забыть своё атеистическое прошлое и всерьёз стать верующей. Мне пора. Пойдём со мной, – обратилась она ко Льву, – дам тебе препараты для Леночки. А мне пора обойти отделение.

Когда они вошли в ординаторскую, доктор Шела позвала дежурную сестру и распорядилась выдать для Леночки шприц и дозу морфия.

–

Мы с доктором Сашей, – она улыбнулась, – это только я его так называю, – понял?

–

Обижаете, Шела Моисеевна!

–

Так вот. Он мне рассказал про твои идеи. – Лев наострил уши. – Я не знаю целителя (гомеопата, экстрасенса или про-

сто шамана), который посмел бы взять на себя ответственность на такой стадии заболевания. Жалко, конечно. Но её спасти нельзя. Успокойся, успокой свою совесть и остуди энтузиазм. Если бы я не была профессиональным врачом и могла что-либо сделать, – я бы ускорила её уход. Мне больно смотреть на муки этого ребёнка.

–

Я очень много думаю, говорю, советуюсь, слушаю. Все, включая мой здравый смысл, согласны с Вами. А наедине с собой во мне живёт какая-то абсолютная уверенность, что Лена будет здорова. Как это объяснить, – я не знаю.

Дежурная сестра принесла всё, что ей было велено.

–

Положи это на тумбочку Лены и иди домой.

–

Можно, я сегодня останусь с ними? Има устала от праздника, а я подежурю. В палате есть удобное кресло. Завтра мне уезжать.

–

Ладно. Только сам инъекции не делай. Позовёшь сестру.

–

Спасибо.

Когда Лев вернулся в палату, на столе горели свечи, еда была прикрыта салфетками, а посуда вымыта.

–

Поставь стол на место и иди домой, – сказала Има. – Зав-

тра придёшь попрощаться.

–

Мне разрешили эту ночь провести здесь с вами, – ответил Лёвушка, выполняя распоряжение своей Имы. – Я буду в этом кресле. Посажу, подежурю, почитаю. А ты спи.

–

Раз ты так решил, – оставайся. Спокойной ночи!

Лев сел в кресло так, чтобы свет от коридора падал слева, взял свою книгу, положил её на колени, посмотрел на Леночку и задумался.

Всю неделю он наблюдал за её состоянием, поведением, муками. Она была истощена болью. Её приходилось держать на наркотиках. Все анализы показывали постоянное ухудшение общего состояния. Врачи были уверены, что метастазы в какой-то уже близкий момент могут привести

к фатальному концу. А он задавал себе только один вопрос, который врачи никогда себе не задают, поскольку верят только анализам:

–

В чём проявляется её готовность к смерти? Где печать Судьбы?

Нет! В ней было всё – болезнь, прогрессирующее ухудшение показателей, истощение организма, невероятные боли, – но когда болей не было, и она бодрствовала, то это был живой ребёнок, энергичный, задорный, умный. Понятие смер-

ти с ней не вязалось.

—

Ты прав. Она не умрёт, если срочно покинет эту больницу. Здесь больная среда. Она её затянет.

—

Но как увезти её? Она не сможет жить без наркотиков. Боли убьют её.

—

Не давай колоть её наркотиками. Попробуй, когда она проснётся, ещё до наступления приступа, смазать медом вокруг опухоли и сказать, что боли больше не будет. Заставь её закрыть глаза, расслабиться и прочти над ней молитву. Читай молитву до тех пор, пока она не заснёт, и на щеках не выступит румянец.

—

А если она будет плакать и грызть губы от боли?

—

Поставь перед ней свечи и читай молитву. Не отвлекайся. Молись.

—

Я сделаю это. Господи, помоги мне!

—

Не волнуйся. Господь с тобой. Иначе я не мог бы тебе советовать. Ты не слышал бы меня.

—

Кто ты? Откуда?

—

Я крещён Василием. Мы с тобой едины духом. Я всегда буду рядом. Не сомневайся.

—

А как мне тебя искать? Как позвать, если мне будет нужна твоя помощь?

—

Молись. После молитвы зови. Заклинай Создателем и зови. Верь и зови. Пока не разуверишься, – всегда дозовёшься.

—

Ты где?

—

Я сейчас здесь. Но лежу я на берегу Днепра. Я там живу. Мы с тобой всегда вместе. Сегодня я был на вашем празднике. Я давно уже рядом с тобой, но стараюсь быть незамеченным. Ты пока не был готов понять.

—

Если я понимаю правильно, то ты открылся мне сейчас, потому что мои представления и намерения верны, и

ты хочешь мне помочь?

—

Да. Я верю, что ты способен не допустить, чтобы воля к жизни покинула её, а судьба наложила руку смерти на эту ещё не прожитую жизнь. Но важнее другое. Ты – один из тех немногих, чей дух близок моему. Когда люди говорят,

что они встретили родственную душу, то обычно имеют в виду встречу с человеком, чья судьба, условия жизни, воспитание подобны их образу жизни, целям, мыслям. А у нас с тобой настоящая общность душ. Наши души одного уровня, дома, клана. Сейчас, сопереживая этой трагедии, твоя душа возмужала, и встреча со мной её не пугает. Мы с тобой, пока единственные, обладаем способностью выходить на этот уровень общения. Поэтому не удивляйся, что с другими у тебя не будет получаться такой контакт.

—

Понял. Скажи, что дальше делать?

—

Увезти её надо из больницы. Посели в таком месте, где почувствуешь присутствие духовной благодати. Создай атмосферу доброжелательства, духовного общения. Утверди её в вере в Создателя, в его любви к ней, в желании дать ей жизнь.

—

Я заставлю родителей взять её домой.

—

Нет. Мы с тобой знаем, что болезнь её духовна. Возможно, в семье нездоровый духовный климат. Она ведь там заболела.

—

Я знаю, что родители живут в любви и согласии. Крещены, венчаны, и отец поёт в приходе.

—

Значит, её душа не приемлет самого родительского дома. Ей нужно поменять обстановку.

—

Но как мне это сделать?

—

Не знаю. Это вы решайте сами. А когда она будет в здоровой атмосфере, мы начнём лечить опухоль.

—

Как?

—

Всему своё время. Я научу тебя. Смотри! Она проснулась. Открой глаза. Ну!

—

Хорошо. Только не покидай меня сейчас. Подожди. Может, ты мне понадобишься, ведь я этого никогда не делал.

—

Смелей. Я здесь.

Лена лежала на спине с открытыми глазами и спокойно рассматривала потолок.

—

Ты проснулась рано, — обратился к ней Лёва, — ещё темно.

—

А который час? — ей почему-то становилось спокойно, когда она слышала его голос.

—

Ещё нет трёх часов.

—

А мне сделали укол в десять?

—

Да. В начале одиннадцатого.

—

Жаль.

—

Чего?

—

Много проспала. Скоро наступят боли. Обидно спать, когда нет болей и можно радоваться, говорить, думать, смеяться.

—

Ты хочешь жить?

—

Очень!

—

Хочешь радоваться жизни?

—

Хочу!

—

Повторяй за мной. — Он убедился, что Лена слушает его: — Боже мой, Всеблагий и Всемогущий! Услышь меня, грешную дочь твою.

Лев уловил эхо — её слова и успокоился: она его слуша-

лась!

—

Прости, Господи, все прегрешения мои. По природе своей человеческой я плохо понимаю разницу между добром и злом. Возможно, я грешил в жизни своей, возможно, сотворил бед греховных немало. Но — клянусь именем Твоим, единственной жизнью своею! — грешил, не ведая греха. Грешил не по злему умыслу. Грешил по своей природе человеческой. Не предай злым силам. Дай мне жизнь. Дай счастье уйти из жизни после того, как в муках и страданиях, подобно слепому в пустыне, найду путь к Тебе, Создатель. Ты осветил разум мой верой. Ты указываешь мне путь к исцелению. Верую в животворящую силу добра Твоего! — Он шестым чувством следил за тем, как больная повторяла за ним слова молитвы. Лев сам почти целиком отдался молитве, но памятуя о своём долге целителя, не мог оборвать нить, связывающую с ней. Он должен был следить и за её состоянием.

С первых слов молитвы Лена отдалась тому безгранично доверительному состоянию, которому может отдаться только женщина. Лев даже испугался, почувствовав такой уровень доверия. Страх сфальшивить развил в нем такую степень самоотдачи, при которой уже никто не осмелился бы оспаривать праведность совершаемых им поступков.

Всё! Он вёл, — она шла за ним без оглядки, доверившись мощи возникшего духовного контакта.

Он должен был, и он принял решение. Не будет он мазать её ногу мёдом. Не прервёт этого состояния её безграничного доверия. Он продолжит молитву и её силой заставит отступить боль!

—

Господи, – продолжил Лев, – не дай мне испытать боль! Сжался надо мной, Великий и Всемогущий! Устали чувства мои от этого испытания. Тебе не ведомы людские страдания, но Ты – всему начало. Ты знаешь, что силы зла противятся Твоим силам добра и любви. Услышь нас, Господи! Не допусти их. Помоги нам остаток сил наших использовать для возвращения к жизни, а не тратить их на борьбу с болью. Ты волен ввергнуть нас в мир страданий, послать покой и здоровье, либо прервать земное бытие наших душ.

Произнося эти слова, Лев взял подсвечник, встал за кроватью больной девочки, поставил подсвечник на спинку кровати так, чтобы огонь не дрожал от движения его рук, и продолжил:

—

Огонь этих свечей очищает нас от злых сил. Смотри на огонь и будь спокойна. Господь с нами! Повторяй про себя: Господь со мной, он дарит мне покой и сон, я засыпаю в радости.

Лев стоял неподвижно и наблюдал за тем, как она постепенно расслабляется, веки её закрылись, дыхание стало ровным и еле уловимым.

Прошло минут десять и, к великой своей радости, Лев увидел бледный румянец на матовых щеках уснувшей больной.

—

Хвала Тебе, Господи. Если она не проснётся до утра, я возьму её домой и вырву из бездны, к которой её приговорили. Василий, если ты это видел, возрадуйся! Спасибо тебе за науку и доверие. Я твой ученик и должник. Всегда и во всём я буду следовать за тобой.

Он не смел сдвинуться с места. Страх прервать чудодействие сковал его. Лев стоял у кровати и сжимал в руках подсвечник с догоревшими свечами.

Старая женщина глубоко вздохнула, высунула руку из-под одеяла, приоткрыла глаза. Увидев своего воспитанника возле кровати бедной Леночки, она улыбнулась и удовлетворённо снова закрыла глаза.

—

Наше поколение прожило жестокую жизнь и, если мы

смогли воспитать наследников, не испытавших боли и лишений, но способных сострадать, — ай да молодцы мы! — подумала больная. — Ты что, прилип к кровати беспомощной девочки? Бесстыдник!

—

Ты проснулась?

—

Нет, это я во сне вижу, как ты пристаёшь к молодой, несовершеннoлетней красавице. Сейчас встану. Молодые могут так проспaть всю ночь, чтобы ни разу никакой нужды не испытать. – Натали Арье села на кровати и стала искать свои шлёпанцы, шаря ногой под кроватью. – Ты не сможешь мне найти левую тапку?

–

Нет, – вдруг услышала она совершенно неожиданный ответ. Има подняла голову и внимательно всмотрелась в лицо Леванчика. Ничего особенного она не нашла ни в выражении лица, ни в позе, но необъяснимая тревога всё-таки потеснила беспечную утреннюю истому.

–

Ра мохда*, швило? – спросила она, пытаясь понять причину такого поведения своего любимца. – Ты что стоишь как вкопанный?

–

Руки не могу оторвать. Затекли. – В его голосе угадывались боль и усталость.

–

Вай мэ**, швило!.. – засуетилась тётка. Она буквально вскочила с кровати и вцепилась в его запястье, пытаясь отдрать руку от спинки кровати. Когда это не удалось, она разогнула по одному пальчику, отняла подсвечник с догоревшей свечой и стала массировать онемевшие кисти его рук. Леван, стискивая зубы, терпел боль, нараставшую, по

мере того как сухожилия и мышцы вновь приобретали подвижность.

–

Пододвинь стул, – попросил он.

Старая дама, поняв, что с ногами у него та же беда, с удовольствием плюхнулась бы в обморок.

Однако сознание необходимости действовать во имя самого дорогого существа не позволило ей расслабиться и получить это чисто женское удовольствие.

Когда, пододвинув стул, несмотря на все усилия, она не смогла согнуть ноги и спину Левана, её охватила паника.

–

Вай мэ!.. Вай мэ!.. Вай мэ!.. – запричитала Има,

**Ра мохда – что случилось? (грузинский).*

***Вай мэ – восклицание неожиданности, типа «ой!».*

начав уже бессмысленно суетиться вокруг дорогого истукана. – Может, врача позвать? – умоляющим взглядом глядя в его усталые глаза, спросила старая матрона.

–

Я постараюсь сесть, а ты пододвинь под меня стул, – сказал Лев и, схватившись снова за спинку кровати, постарался расслабить ноги. Натали с комсомольским энтузиазмом выполнила доверенную ей операцию, и... её любимчик плюхнулся на стул, как подкошенный. Падая, он невольно дёрнул Леночкину кровать и в страхе, что разбудит её, разжал руки.

Стул пришёлся на половину правой ягодицы, которая тут же соскользнула... Леванчик оказался на полу.

Бедная Натали от ужаса, что «убила мальчика», рухнула перед ним на колени. Он, из страха, что шум выскочившего из-под него стула потревожит больную девочку, застыл в полулежачем положении, опираясь на левую руку. Има в порыве искреннего раскаянья обхватила его голову и прижала к груди... Застывшая композиция для постороннего взгляда повторила сцену картины «Иван Грозный убивает своего сына».

—

Она не проснулась? – высвобождая голову из объятий тётки, прошептал Лев.

—

Что? – приходя в себя, переспросила спасительница. Лев посмотрел на кровать и остолбенел: Леночка, поменяв позу, лежала на спине с вытянутыми вдоль тела руками.

—

Има!.. Что с ней?

Бедная старая женщина, ещё не до конца осознавшая, что с её мальчиком ничего дурного не случилось, посмотрев на девочку, сама оказалась без чувств на полу.

Лев заметался между двумя дамами, не проявляющими желания хоть какими-либо движениями развеять его страхи.

—

Има! Има! – тормошил он старуху. Наконец, та открыла глаза и огляделась.

–

Как ты? – она впилась испуганным взглядом в его лицо.

–

Нормально, – успокоил её он, и оба посмотрели на Леночку. Та, как будто ждала, когда на неё обратят внимание, снова повернулась на бок и подложила ладошку под щёчку.

Придя в себя, Лев встал, поднял на ноги Иму, усадил её на кровать, нашёл и надел ей на ногу вторую тапочку, а затем уселся рядом.

-

Что ж это было? – услышал Леван усталый голос Имы. – Что это ты остолбенел? С Леночкой всё в порядке?

–

Мы с ней молились.

–

Когда?

–

Когда она проснулась,.. – и Лев рассказал бабушке обо всём, что произошло с ним этой ночью, включая и голос Учителя. – Ведь никому этого не расскажешь. Сочтут сдвинутым.

–

Так она проснулась потому, что почувствовала боли, а после вашей молитвы заснула без лекарств?

—

Да. И спит до сих пор.

—

Ей регулярно колют наркотики и, как мне казалось, — всё чаще.

—

А теперь будут реже.

—

Почему? — она всю жизнь старалась понять верующих людей; всегда поощряла ревностное отношение своего кумира к религии. — Потому что помолились?

—

Да!

Има считала себя «достаточно верующим человеком», но поверить в чудо, которое происходит в её присутствии? — Это слишком!

—

Ты в своём уме?

—

Вот, видишь: если ты не веришь, — кто поверит?

—

Ты чего-то не договариваешь, — она искала «вразумительный ответ» на возникшие вопросы. — Может, ты её чем-нибудь напоил?

–

Ах, – вдруг воскликнула Има, решив, что, наконец, нашла правильный ответ на все вопросы, – как я могла не понять? Ведь ты её загипнотизировал. Она под гипнозом! Это не опасно? Ты сможешь её разбудить?

–

Имуля, ты думаешь, о чём говоришь? Я никогда не занимался гипнозом. Для овладения техникой гипноза нужен долгий и серьёзный тренинг. Да и не внушал я ей ничего. Мы помолились, и я предложил ей спокойно заснуть.

–

Ладно, – старая женщина встала, взяла руку своего воспитанника, прижала к щеке и, проговорив с закрытыми глазами, – Аминь! – направилась к двери.

Лев пересел в кресло и закрыл глаза.

Леночку разбудила медсестра, которая перед обходом врачей мерила у больных температуру.

–

Доброе утро, девочка! – поздоровалась Натали

Арье. – Как спалось? – спросила она, обрадовавшись давно покинувшему это прекрасное личико еле заметному свежему румянцу.

–

Я проспала всю ночь в очень красивом саду! – улыбнулась в ответ Леночка. – Там были высокие горы. Никогда таких не

видела. Я легко, как на лифте, поднималась по ним и выглядывала за облака. – Она оглядела комнату. К горлу подкатил комок, и дыхание сдавил спазм. – Я не хочу быть здесь... – Ребёнок насупился. На глаза навернулись слёзы.

Натали Арье машинально растолкала спящего Левана. Тот спросонья решил, что у Леночки снова начались боли. Он подошёл к её кровати, взглянул в плачущие глазки и увидел в них такое, что вместо заготовленного сострадательно-го: «Очень больно?» – у него вырвалось:

–

Чего плачешь?

–

Я не хочу быть здесь! – кричала больная девочка. – Я хочу, чтобы меня увезли отсюда. Я не хочу... – плач стал переходить в истерику. – Мне страшно! – Она схватилась за подол халата бабы Наты. – Страшно мне! Страшно!

–

Успокойся, – тихим, но твёрдым голосом заговорил Лев. – Посмотри на нас. Вот! Мы здесь, с тобой. Ты ничего не бойся.

–

Увезите меня отсюда!

–

Увезу.

–

Позвоните маме. Пусть они приедут и заберут меня.

–
Не плачь. Ну, чего ты, как маленькая! Я ведь сказал - увезу.

Леночка вдруг перестала плакать и уставилась на Леванчика:

–
Куда увезёшь?!

Ната, «пришвартованная» к кровати цепкой рукой испуганной девочки, изумлённо наблюдала, как спокойно и естественно её внук перехватил инициативу.

–
Ты что, не помнишь? Кто я?

–
Лёва.

–
Э!.. Женщины нычэго нэ помнат! – утрируя свой и без того довольно ярко выраженный грузинский акцент и разглаживая несуществующий ус джигита, воскликнул он. – В горы увезу! В высокий башня посажу! Бусы, сэрьги одэну! Ныкому нэ покажу!

У Леночки лицо изменилось до неузнаваемости. Сейчас

в кровати лежал ребёнок с выражением лица шаловливого амурчика. Она приняла условия игры, вспомнив все слышанные в детстве сказки и прочитанные истории:

–

И я буду кавказской пленницей? – улыбнулась девочка. –
И поднимусь выше облаков?!

–
Ну канэшно!

–
А я оттуда убегу...

–
От джигита, – он подбоченился и выпятил грудь ко-
сом, – ещё ныкто нэ бэгал!

–
А я сяду на облако и улечу! – она улыбалась. Глаза её ис-
крились.

–
Твоё облако похоже на черепаху, а моё на скакуна. Кто
быстрэ? Я осэдлаю скакуна. Выпью на дорогу вина. Одэну
дорожную чоху*. И догоню... тэбя... – последние слова он
произнёс медленно и неуверенно.

–
Уйди! – взгляд её потух. Она не прикрыла веки, но было
понятно, что эти глаза никого больше не видят, – они повёр-
нуты внутрь, и сейчас девочка видела и слышала только себя.

Лев встал на колени перед кроватью больной:

–
Сегодня ты молилась с искренней верой, – начал он, сло-
жив молитвенно ладони. – Мы молитвой победили боль. По-
верь мне. Пожалуйста! Поверь, что Господь с тобой. Он не

оставит тебя до тех пор, пока будет в тебе вера. Прими и от меня клятву: я, Лев Арье, перед Твоим лицом, Господи, клянусь, что никогда, ни при каких обстоятельствах не оставлю блаженную дочь Твою, Елену, в беде и болезни. Клянусь всегда и везде, где потребуется ей моя помощь, быть рядом. Если я нарушу эту клятву, то пусть меня постигнет кара Твоя! Аминь!

Лев поднял голову и открыл глаза. На него смотрели два больших синих огонька, полных веры и преданности. Он бережно взял её маленькую руку и поцеловал.

—

Хочешь в горы? – улыбнулся Леван. Она кивнула. – Подем. Только больше не обижай меня недоверием. Ладно? – Леночка потупила взор и стала похожа на нашкодившего шалуна.

**Чоха – национальный грузинский костюм.*

Леван встал. Появилась сестра, чтобы собрать термометры. Натали нашла свой термометр возле пояса халата, а Леночкин, не без труда, нашли в складках постели.

Люди, даже очень почтенного возраста, что дети малые. Достаточно было небольшого отвлечения – и от напряжённости, которая до этого царила в комнате, не осталось и следа.

Они сидели в ординаторской. Сильный здоровый мужчина с крупными волосатыми руками и седеющей шевелю-

рой и юноша, почти мальчик, с непослушной кудрявой копной смолисто-черных волос на голове и еле пробивающимся светлым пушком над верхней губой.

Оба были озадачены. Их отношения к проблемной ситуации тоже были противоположны. Чувствовалось, что мужчина явно ошеломлён, не владеет ситуацией. Юноша сидел чинно, однако реакция и блеск глаз выдавали в нём состояние еле сдерживаемого триумфа. Это доктор Саша и Леван старались разобраться в событиях минувшего дня.

Что могло заставить заведующего отделением Центра онкологических заболеваний, доктора медицинских наук, профессора запереться в ординаторской с юнцом, да ещё и вести с ним диалог в сфере своих профессиональных знаний?

Очередной анализ крови, взятый утром у больной Чадовой Елены Ивановны, дал неожиданный результат. Вместо ухудшения, в лучшем случае стабилизации процесса, анализ показал резкое улучшение состояния организма. Попытка анализа возможных причин получения подобного результата привела к выявлению их полного отсутствия. Тем более удивляло моральное состояние больной, а также почти полное исчезновение у неё болевых ощущений. Двадцатилетняя практика Александра Петровича не знала подобного. Ситуация, которую описала старший ординатор, доцент Вельбицкая Шела Моисеевна, показалась ему смешной и маловероятной. Даже теперь, сидя напротив этого парня, видя его умные, с характерной врождённой грустинкой глаза и

явно ощущая силу его личности и зрелость мышления, доктор Саша не мог заставить себя поверить в реальность происшедшей метаморфозы.

– Нет, – спокойно, но настойчиво гнул свою логику Лев, – нет здесь никакой мистики. Давайте по-другому! Скажите, если бы резервы организма были полностью истощены, наступила бы смерть?

–

Конечно.

–

Тогда, если организм не прекратил функционировать, значит, в нём ещё есть жизненные силы? Виноват, – он улыбнулся про себя, – материальные ресурсы? – Доктор тоже улыбнулся и кивнул в знак согласия. – Вот, – продолжал юноша, – мозг, усилием его пробудившейся воли, получил команду направить этот рассредоточенный резерв для решения одной задачи.

–

Какой?

–

А кто может знать? Про эту задачу может знать только, – он хотел сказать «Бог», но сдержался, – сам мозг.

–

Так! Если мозг знает, как он себя должен вести, как распределять ресурсы и какие задачи решать, почему он этого

не делает? Значит, есть существенные препятствия, и мозг не способен направить процессы так, чтобы спасти гибнущий организм. Существуют не только функциональные, но и физиологические, и анатомические изменения, возродить которые внутренними ресурсами организм уже не способен.

—

Кто знает? — заметил Лев. Ему очень хотелось убедить врача в том, что в организме Леночки всего достаточно для здоровой и полноценной жизни. Не хватает только благодати и веры. Но после реакции Имы он твёрдо знал, что так говорить с последователями материализма нельзя. «Тогда то же самое, но в их терминах», — подумал он и продолжил диалог. — Даже когда орган потерян физически, мозг в состоянии его реставрировать. Ну, на примере хвоста ящерицы. Человеческий мозг просто не решал подобных задач. Если их решает мозг ящерицы, значит, подобное решение существует. И при этом ящерице не требуется никаких внешних воздействий. Человеческий мозг умеет справляться с функциональными нарушениями. Значит, достаточно направить усилия мозга на решение нужной задачи, и организм станет функционировать в режиме восстановления нарушенных функций.

—

Сильный довод, — оценил доктор приведённый пример, — однако здесь мы наблюдали процесс физического перерождения тканей. Восстановить эту повреждённую ткань прак-

тически невозможно. Даже внешними воздействиями мы способны только приостановить процесс. О том чтобы возродить разрушенные клетки, даже речи не может быть.

Это необратимый процесс.

—

Кто знает? – снова заметил юноша, а сам всерьёз задумался над тем, в каком направлении пойдёт процесс выздоровления. Если, действительно, раковые клетки не могут снова превратиться в клетки здорового организма, значит, реальной возможности выздоровления Леночки не существует.

—

Я знаю, и абсолютно точно. Это то же самое, что из древесных углей восстановить дерево. Есть в природе необратимые процессы. Раковая ткань – необратима.

—

Так значит, это только остановка процесса распространения метастаз? – спросил Леван, продолжая усиленно думать над возникшей проблемой.

—

Да! Как ни обидно, но это так, – констатировал Александр Петрович и грустно улыбнулся. – Спасибо тебе за беседу. Редко в наше время найдётся человек, с которым можно было бы так красиво поразмышлять

—

Вам спасибо! – Леван был озадачен, но искренне побла-

годарил профессора. Теперь ему есть над чем подумать.

Има сидела в кресле холла и ждала своего воспитанника с победой. Лев сел в кресло напротив. Она терпеливо наблюдала. Ждала, когда он захочет поделиться.

–

Я сейчас! – извинился он, встал и снова пошёл в ординаторскую.

–

Доктор! Разрешите один вопрос? – профессор посмотрел на него с явным интересом. Он ждал новых каверзных умных вопросов. Ждал из врождённого любопытства учёного. – Если я правильно понял, болезнь находится в той стадии, когда говорить о выздоровлении уже поздно?

–

Как ни жаль.

–

Значит, её можно только поддерживать как хронического больного, а лечить бесполезно? – тут Лев немного замешкался, стараясь правильно подобрать слова. – Ведь предмета лечения нет?

–

Если есть организм, значит, есть предмет лечения, – улыбнулся доктор Саша. – Колись, Лёвушка! К чему клонишь?

–

Можно её забрать?

–

Зачем?

—

Она здесь долго не протянет.

—

А без постоянного надзора, без всех технических и

научных ресурсов, которые здесь имеются, — протянет? —

он сделал паузу. — Девочка сможет покинуть больницу только по решению своему и родителей. Всё!

—

Спасибо! — Леван вышел. Здесь уже все вопросы были решены.

В тот же день, за несколько часов до вылета, Лев заком-постировал билет на конец следующей недели. Кроме того, он забронировал ещё два билета, переговорил с Тбилиси и заказал разговор с родителями Лены по коридорному телефону больницы.

Наш интеллигентный читатель наверняка в течение всего хода повествования не может понять, как это случилось, что девочка, находящаяся на грани жизни и смерти, лежит одна за много километров от родительского дома, полного родных и близких людей. Фантазия нашего совестливого читателя, возвращённого на житейских примерах, сразу рисует мрачную картину семьи хронических алкоголиков, которые только в короткие минуты трезвости могут, поднатужившись, вспомнить про бедную больную дочь, выпить со слезами на глазах

за её здоровье и снова забыть до следующего похмелья.

Если бы это было так, то мы вряд ли упомянули бы о них вообще. Все обстояло совсем иначе.

Иван и Людмила Чадовы вместе окончили сельскую школу и поступили в сельскохозяйственный техникум своего областного центра. Он освоил специальность механизатора, она – агронома. Вопрос их возможного супружества никогда не возникал, потому что росли они вместе (между усадьбами их родителей был не забор, не лаз, а всего-навсего цветочная клумба). Просто в один прекрасный день осени была назначена свадьба.

Чадовы жили так же естественно, как и поженились. Родили дочь и сына. Построили дом. Растили детей. Купили мотоцикл. Болели, выздоравливали. Купили машину. Их родители поочередно умирали. Они работали. Жили, как все...

Достойная чета пришла на почту ровно к семи часам. Через десять минут Иван пригрозил, что уйдёт, поскольку не намерен терпеть это безобразие:

—

Вызывают к семи, так пусть звонят в семь, а то, вишь, барыни столичные – жди их!

Когда вошли в кабину, он поднял трубку:

-

Ну! Да! Кто? Куда? Что, у неё дома нет? Никаких грузин! Пусть едет домой! Что не может? Ты соображаешь, что гово-

ришь? К грузинам ехать может, а домой не может? Это почему? Ты её увезёшь, если я позволю? Это она хочет? Вертихвостка! Её здесь Дима ждёт, а она к грузинам собралась! – он отдал Людмиле трубку. – Сама говори со своей дочкой. Дурь бабья!

–

Леночка! Нет? А кто? Как зовут? Ната? Это что, имя такое? Ну? Да! Да, да... Ой, Господи! Это доктор говорит? Да! Я...я слушаю...слушаю. Так что же делать? Боже мой! Да...да...это так надо? Ну, конечно...конечно...конечно приеду. Хорошо. – Она положила трубку. – До свидания... – произнесла мать Леночки, посмотрела на курящего в зале возле печи мужа и вышла из кабины.

–

Завтра поеду в Москву. Там с Ленкой чего-то неладное творится.

Как это страшно, когда душа, не разбуженная в юности размышлениями, страстями, противоречиями, привязанностями, потерями и поисками, спит!

В конце недели карета скорой помощи привезла Леночку в аэропорт. Улучшение здоровья Имы последовало сразу, как только Леночкина мать дала добро на то, чтобы Лев Арье увёз её дочь в Грузию. Доктор Саша переговорил со своим однокурсником Гурамом Гогитидзе, дал Натали Арье все необходимые документы и отправил их в Тбилисскую онкологическую больницу. Таким образом, они втроём оказа-

лись на борту самолёта, совершающего рейс Москва (Домодедово) – Тбилиси.

Из года в год каждое утро Деми уходил на работу. Так он обеспечивал независимость существования семьи и право на свободу творчества.

Каждый день, возвращаясь с работы, он садился за письменный стол. Образы приходили сами. Они будоражили мысль. Складывались фразы, описывались события, люди.

С того момента, как Деми впервые задался вопросом, куда девается свобода в земном бытии, и взял в руки перо, прошло несколько лет. В каждом новом рассказе он задавал или раскрывал вопросы, ответы на которые искренне желала познать его душа. С каждым рассказом вопросов появлялось

всё больше, перо становилось всё послушнее, удовольствие от творчества наполняло душу.

Любовь придавала Рите сил, для того чтобы полностью оградить Деми от всех бытовых проблем. Им было не скучно и не трудно жить в обществе, охваченном вакханалией толкучки. Им не приходили в голову проблемы поиска лучшей доли, большего куска пирога и престижных предметов роскоши. Их поглощала жажда творчества, и оберегала любовь. Они были свободны.

Вечером после семейного ужина Деми, как обычно, вошёл в свой кабинет, взял ручку, положил перед собой лист бу-

маги и...

«Мысли, порождая друг друга, текут спокойно. Это, наверное, и есть исповедь!»

А попробуй быть таким же честным лицом к лицу с другим человеком или аудиторией... Нет уж! Быть до конца честным можно только в своих мыслях, если ты, по природе, смелый и добрый человек. Смелость нужна, чтобы оставаться честным, даже когда становится нестерпимо больно. А доброта, – чтобы не замыкаться на себе, чтобы, думая о своем, ты ощущал лезвие правды и понимал позицию других людей.

Ох, как интересно получается! Я где-то, уже даже не помню когда, вычитал подобную мысль. Она звучала примерно так: «доброта – это зрение души». А сейчас я её открыл сам, и она стала моей. Я её сейчас не просто понимаю – я её вывел в момент откровения. Я её чувствую. И это чувство вдруг породило новую мысль (а мысль всегда начинается с вопроса): кто же тот человек, который способен на гласную исповедь?

Это не только смелый и добрый человек. Он должен ещё обладать такой сильной волей, которая позволила бы удержаться от всякой лжи. Способный на такое человек – святой!

И вот этот святой человек исповедуется. Он никого не старается убедить. Он просто излагает свои мысли. А слушатели не верят. Не смог он достучаться до их сердец.

Неэффективно выступил.

Выходит, что святой пусть лучше молчит, поскольку убедить в своей святости и улучшить человеческую мораль

ему всё равно не удастся. Его голос – глас вопиющего в пустыне.

Так в своё время не услышали Христа. А поскольку он был уж очень свят, – его распяли...»

Только Демиург поставил последнюю из этих трёх точек, как Рита ввела в комнату гостя. Деми поднял голову, и в его сознании мгновенно всколыхнулись в бескомпромиссном противоречии самые сильные чувства. Он в единое мгновение пережил острую боль от столкновения всех парадоксальных ощущений земного бытия, рождённых опытом прожитых жизней.

Но врождённое благородство заставило поклоном приветствовать гостя. Перед ним в парчовом домашнем халате, опираясь на трость в виде большой чёрной змеи с изумрудными глазами, стоял Адамбек.

–

Постоянство – великая штука, – заметил гость в ответ на поклон хозяина дома. – Стоит только появиться искренней душе в пределах моих владений, как она начинает анатомировать природу этого праведника. Уж Вам-то, маэстро, прочувствовавшему истоки мироздания, однажды прошедшему с ним по Виа Долоросса, зачем Вам вновь копатья в*

Его путаных притчах?

—

А почему величайший из магов Земли меняет свой лик при каждой встрече?

—

*«Всё в мире изменил прогресс, — усмехнулся гость. — Как быть? Меняется и Бес»**, — это справедливо заметил Гёте. Теперь мне надо поддержать последователей пророка Мухаммеда. Они находятся в той стадии, когда творят на благо моих целей.*

—

*Мудрейший, — Демиург присел на стул против кресла — качалки, в которую погрузил себя гость, и склонил в задумчивости голову. — То чувство благодарности, которое я испытываю к Вам, не позволяет мне поверить в приписываемое Вам воплощённое зло. Точно так же я волен сомневаться в воплощённой добродетели Ёшуа из Назарета***. Вот тут и возникает вопрос: почему абсолютная гармония*

**Виа Долоросса — дорога на Голгофу; по ней Христос пронёс крест, на котором его распяли.*

***Из «Фауста» Гёте.*

****Ёшуа из Назарета — так звали Иисуса Христа.*

и беспредельная свобода, которые душа пережила в своём вечном доме, вдруг оборачиваются на Земле в непреодолимые тюремные стены противоречий, парадоксов и заблуж-

дений? Как преодолеть их? Где путь к той свободе, которая была дарована Создателем?

—

Я мог бы ответить Вам на этот вопрос, — зевнул гость и удобнее устроился в кресле, — но тогда Вы будете лишены возможности самостоятельно дойти до истины. Значит, в таком случае, я лишу Вас этой самой свободы.

Вы, осознав сей факт, придёте к выводу, что я сковал Вашу свободу и признаете меня тюремщиком.

Демидург кивнул в знак согласия и с прежним вниманием продолжал слушать гостя.

Мне очень интересно проследить за тем, как ... ты будешь искать ответы на эти вопросы. — Адамбек облокотился на спинку, и кресло закачалось. — С Вашего позволения, — он посмотрел на Риту, которая ставила на стол вазу с фруктами, — я погощу у вас и наблюдаю за вашим творческим процессом.

—

Прекрасно! — воскликнула Рита и посмотрела на мужа.

—

Действительно, неплохая мысль, — неуверенно согласился Демид. — Рита всегда участвует в обсуждении моих мыслей и наблюдений. Я очень хотел написать философский трактат, но она сказала, что это будет мёртвая книга, которую прочтут единицы. Прочтут и не поймут. Прочтут и перевернут. А образное произведение останется в сердцах

миллионов.

—

Угу, — утомлённо прошептал Адамбек. — Его не переврут. Ждите! Наивные романтики. Пишите. А я отдохну у вас.

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Между двумя соседними сёлами рос, жил и множился веками прекрасный лес, не тронутый ни огнём, ни топорами. Этот лесной массив потому и остался заповедным, что стоял на песчаном неплодородном участке, изрезанном балками, холмами и впадинами. Лесистый склон нависал вздыбленной кручей над Днепром. Огромные деревья своими мощными корнями так цепко связали песчаный берег, что многие деревья

хотя и склонились уже над водой, но держались надёжно. Кроны их сплетались на большой высоте в почти сплошную крышу, под которой крепились новые деревца, сновали белочки, зайчата, охотились лисы и волчата, копошились ежи, кроты и дождевые черви.

В этот день Василь недолго ходил по лесу. Что-то гнало его до дому, в село. Пройдя немного вглубь леса, он повернул назад и уже долго бродил по опушке, непроизвольно поглядывая в сторону села. Неохота возвращаться в такую рань домой. Здесь хорошо! Здесь он сам с собой!..

—

Нет сегодня покоя, — подумал он, наконец, и в самое пек-

ло, когда солнце стояло в зените, вышел из лесу и, уже полностью осознав, откуда происходит охватившее его беспокойство, решительной походкой направился к дому. Не успел он пройти и половину пути, глядь, – по дороге из села скачет по кочкам, сломя голову, на велосипеде Петро, сынок Татьяны, сельского фельдшера.

–

Беда! – встрепенулся Василь и бегом кинулся напрямки к селу.

На улицах ни души. Вот уже и майдан. Выйдя на середину, он остановился, огляделся. В глубине одной из улиц напротив дома собрался гурт селян. Переведя дух, Василь быстрой походкой направился к ним.

Заметив его приближение, люди расступились. Проходя мимо своих сельчан, Василь узнал, что мальчик, играя у колодца, свалился в него. Говорят, когда его достали, сердчишко ещё билось. Стали откачивать, а он и ... помер. Положили его в гостиной на лавку. Родители в обморочном состоянии. Послали сынка фельдшерицы за врачом.

Василь уже в хате. Подходит, наклоняется над мальчонкой, берёт его с лавки и перекладывает на кровать.

–

Окропу, рушныкы, декилько грэлок, – почувствовав скопление любопытных, Василь рассердился: Все геть з хаты!

Ужас, недоумение, страх, ощущение совершаемого святотатства, осквернения святых чувств скорби – заставили

остолбенеть убитых горем родителей.

—

Швыдко! — обернувшись, скомандовал Василь. Взял за руку стоявшую ближе всех соседскую девчушку и объяснил, что нужно принести из его дома. Девчушка мгновенно упорхнула.

То ли надежда, то ли безысходность, то ли приказ, но какая-то сила вдруг заставила всех действовать. В абсолютной благоговейной тишине появились вода в тазах и чайниках, полотенца, грелки, — а в углу комнаты застыли онемевшие родители.

Прошло время. На пороге вновь появились родственники, соседи. В хате стояло благоухание заваренных трав, восковой свечи. Шушукались. Но никто не посмел приблизиться к постели, на которой лежал Иванко. Василь сидел рядом, что-то шептал и смачивал губы мальчика настоем.

Когда Иванко глубоко вздохнул и открыл глаза, Василь залпом выпил большую чашку воды и позвал родителей:

— Несколько часов не кормите его, можно понемножку поить этим настоем. — Он подержал руку Иванко, кивнул, как бы соглашаясь со своими мыслями, и вышел из хаты.

МОСКОВСКИЕ ПОТОМКИ

ПОЛТАВСКОЙ СОЛОХИ

Кудрявый праправнук небезызвестной на Полтавщине

Солохи, поддерживавшей в своё время дружеские отношения с нечистой силой, был коренным москвичом. Его прадед, внук Солохи, дезертировал из окопа германского фронта и не успел добраться до своего «хутора близ Диканьки», как попал в красноармейцы. Поскольку он, единственный в полку, владел украинской грамотой, его назначили сначала писарем, а потом и красным агитатором. В Москву он был командирован уже в чине комиссара, женился и остался работать в одном из издательств.

На пятилетний юбилей пролетарской революции в семье красного агитатора, как и положено, родилась дочь, и её, тоже как положено, назвали Октябриной. Эта бабка Вадима была достойной правнучкой легендарной Солохи с той лишь разницей, что её «гостями» были не дьяк да голова, а верные ленинцы – слуги народа. Коль скоро маленький с рожками да с копытцами навевывался и к ней, как к подруге детства, то и рассаживала она своих гостей не по мешкам да комодам, а по «местам, не столь отдалённым» и на долгие годы. И первым «посаженым» был сам родной дед Вадима Владимир Чудра, который осмелился вернуться целым и не

вредимым не только с Финской и Отечественной, но и из фашистского плена в самый канун создания новой семьи Октябрины.

Теперь избранником бесовой подружки оказался всеми любимый Василий Тёркин, с которым она познакомилась на

банкете, устроенном властями в честь легендарного героя. То, как закончил жизнеописание этого персонажа Твардовский, является художественным вымыслом. На самом деле Василий вернулся с войны, получил звание Героя, стал почетным членом всех мыслимых и немыслимых советских обществ, депутатом Верховного Совета. Всё его время было заполнено общественной деятельностью: выступлениями, встречами, собраниями, пленумами, чествованиями.

Первые годы семья жила «жизнью страны и народа». Затем эйфория от победы улеглась. Тёркин заскучал. Жена, привыкшая к представительской светской жизни, стала критически посматривать на своего «бравого мужлана», а Тёркин решил продолжить героическую биографию. В один прекрасный вечер он сообщил жене, что, согласно сталинскому призыву, едет в Тамбовскую область поднимать отстающий колхоз. Пока Вася не обустроится на новом месте, Октябрина с сыном будут жить в его квартире на Кутузовском проспекте.

Судя по результатам, Тёркин и по сей день не обустроился. А в конце пятидесятых возвратился из Сибири реабилитированный Чудра. Ему вернули все ордена и назначили персональную пенсию. Теперь Октябрина стала женой правозащитника и выступала от его имени на конференциях и съездах жертв репрессий.

Их сын, отец нашего героя, Сергей Владимирович Чудра рос, как все столичные мальчишки. Пяти-семи лет от роду, по-

ка шла война, а мать вела жизнь молодой соломенной вдовы, он жил жизнью улиц, учился драться, воровать, курить, материться и верить в дружбу. Ни отец, ни отчим никак не влияли на жизнь Сергея. Он с младенчества усвоил для себя истину, что мужчины в их доме – это временные одомашненные животные, которым не стоит попадаться на глаза. Поэтому ни звание «сына врага народа», ни почести пасынка «легендарного героя» его никак не задевали. Он жил, как все дети войны, и идеалами его жизни были независимость, престиж, достаток. Во время «оттепели» он

фарцевал, пижонил и слыл самым заядлым стилиягой Москвы. Между ним и вернувшимся отцом, ошарашенным его яркими галстуками на шее и «буги-вуги» в ногах, установились антагонистические отношения «классовой вражды».

Когда родился Вадим, его дед Владимир Чудра уехал в Читу к своей «ссылной семье», а бабка Октя вдруг присмирела, стала тайком посещать церковь и занялась воспитанием внука.

Что получилось в результате усердных трудов набожной правнучки Солохи на ниве воспитания?

Вадим учился в Академии Народного Хозяйства имени Плеханова на факультете товароведения, чем и завоевал симпатию родителей Филькенштейночки. В прошлом году, не дожидаясь, пока Роза закончит школу, деток расписали. Спешили и Финкельштейны (как бы детка не дотёрлась об

красавчика до позора), и Вадим (не упустить бы возможность эмиграции). Сейчас детки жили на Кутузовском проспекте и писали дипломный проект Вади.

Прозвучал звонок. Роза вышла в прихожую и открыла дверь.

—

Здравствуйте, папа! – пропуская Сергея Владимировича в прихожую, пропела Роза.

—

Здравствуй, Розочка! Здравствуй, Бутончик! – свёкор поцеловал невестку, снял плащ, привычно заглянул в зеркало, приглаживая чуть подёрнутую сединой шевелюру, и вошёл в гостиную.

По всей комнате были разложены книги, бумаги, чертёжные и пишущие принадлежности. Создание дипломного проекта подходило к концу.

—

Так! Вот как начинают самостоятельную жизнь советские интеллигенты, – выдал тираду Чудра-старший, одобрительно осмотрев комнату и усаживаясь в кресло, на котором вольготно развалился старый кот, оставленный сыну в наследство вместе с квартирой.

—

Будете есть? – спросила Роза. – Вы, наверное, прямо с работы?

—

Не, не совсем, – довольно чмокнув губами «по-брежневски» и подумав о чём-то приятном, ответил свекор, – но хорошим чайком с пряником ты можешь меня побаловать. – Когда невестка вышла на кухню, он обратился к сыну: Чего молчишь?

–

От тебя Кларой за версту несёт.

–

А ты носом не шмыгай и от отца его не вороти. А я от неё не только запах принёс.

–

Неужто подхватил?

–

Пошляк же ты! Лучше закругляйся. Поедешь сейчас со мной. Кларка сети забросила. А водичка, по нынешним временам, мутная. Авось, и рыбку словим.

–

Что за рыбка?

–

По дороге поговорим. – В коридоре слышались шаги невестки. – Ох, и шустрая ж ты стряпуха! Когда заварить-то успела?

–

Как раз перед Вашим приходом мы решили, что пора перекусить. Я заварила чай и стала накрывать, – ответила Роза,

толкая перед собой столик на колёсиках.

–

Я вот смотрю на этот маленький столик и ду маю: а чем всё-таки недоволен наш народ? Чего ему не хватает? Зачем нужны эти перестройки и ускорения, если студенты могут накрыть такой стол для лёгкого закуса? Сервелат, балык, сулугуни, «Наполеон». О конфетах и пряниках говорить уже не приходится! Как думаете? Будете вы так питаться в Израиле?

–

Думаю, что будем. Там хорошие менеджеры свои фирмы открывают. Вадя станет капиталистом, а я буду ему подавать кофе с бананами в постельку и буржуинчиков растить.

–

В кипе и с пейсами, – уточнил Вадим, укладывая на кусок хлеба с сулугуни кружочки сервелата.

–

Боюсь, что при такой кошерности отца семейства мои дети останутся материалистами даже на Святой земле. – Роза парировала остроту мужа весело и с доброй интонацией в голосе, однако глаза отвела.

–

Не переживай, Бутончик, – отхлёбывая чай, произнёс ещё несостоявшийся дед. – Если будет выгодно, этот кандидат в капиталисты не только своему сыну, но и мне обрежет всё необходимое.

Роза дрожащей рукой поставила чашку на стол и залилась неудержимым смехом, поперхнулась, откашлялась, вытерла слёзы и замахала руками на свёкра:

–

Я представила, как Вас перед обрезанием спросят: «Веришь в Бога единого, в Создателя?» А вы ответите: «С детства в юных ленинцах хожу!» – и представите раввину свой партбилет.

–

Точно! – поддержал жену Вадим. – Раввин посмотрит,

сколько ты платил членских взносов и скажет: «За такие членские пожертвования, (Роза, свернувшись в клубок, каталась по дивану) этот достойный член надо обрезать на всю сумму».

–

И я стану самым обрезанным евреем в мире и попаду в «Книгу Гиннеса», – невозмутимо продолжил «верный ленинец».

Роза скатилась с дивана и выбежала из комнаты.

Мужчины спокойно допивали чай.

–

Завтра поедешь в распределитель, – Сергей Владимирович протянул сыну талон, – отоваришься. Нам, я думаю, ничего не надо, но ты у матери спроси.

–

Ладно, – талон исчез в кармане Вадима. – Отец заехал за мной, – обратился он к вошедшей жене. – Я думаю, мы ненадолго.

Отец водил машину хуже. Он научился вождению и сдал на права уже после тридцати, а Вадим сидел за рулём с десяти лет. Поэтому, когда едут вместе, водит сын.

–

Вот так, так!.. Мы ехали, ехали и, наконец,.. поняли, что надо спрыгивать с паровоза, – обдумывал отцовские новости, сидя в машине возле Кларинового подъезда, Вадим, – а он пусть кубарем летит к своей последней остановке,.. но без нас. А жаль! Хороший был паровозик. Может, тот, встречный, на который надо перескочить, комфортабельней и идти будет по расписанию, а не с опережением – «пятилетку за четыре года», а потом – назад, «не по той колее пёрли!»

Тут Вадим зримо представил себе прыжок на встречный:

–

Как говорил Жванецкий, «многие не долетали и до середины, пропадали к чёртовой матери!» В капитализме – нет, лучше в железнодорожных терминах, образней, – в том паровозе, конечно, комфортней. Но нам придётся не ехать на нём, а перепрыгивать в него на полном ходу. А это значит, как сказал другой «юморист» более ста лет назад, – «жаль, только жить в эту пору прекрасную уж не придётся ...».

–

Так. Хочешь играть в смертельные игры? Играй! Пере-

прыгивай на встречный. А меня – уволь! Я лучше на ближайшей капиталистической станции («на дальней станции...») сойду.

Задняя дверца отворилась и своим основным достоинством вперёд Клара влезла в машину.

–

Поехали в «Прагу», – скомандовал Сергей Владимиро

вич, усаживаясь рядом с одетой соответственно объявленному маршруту дамой.

–

Привет, красавчик! – обратилась дама к Вадиму. – Молчишь в задумчивости или в обиде за несправедливо прожитые годы?

–

В обиде за Державу.

–

Ах! Вот так. И не меньше! – оценила ответ Клара. – Теперь я спокойна. С такой молодёжью Россия не пропадёт.

–

Кончайте балагурить, – прервал их диалог Сергей Владимирович. – Ты бы лучше, пока едем, рассказала Ваде суть своего грандиозного замысла.

–

А ты что, сам не можешь?

–

Замысел твой. А я хотел бы ещё раз послушать.

—

Ладно, — Клара сделала паузу, перестраиваясь с шутиwego тона на деловой. — Вводная часть. Для того чтобы не было ненужных вопросов к докладчику, — пояснила она. — Как следует из последних постановлений партии и правительства, экономика страны переходит на освоение методов рыночного регулирования. Следовательно, весь экономический потенциал, полностью или частично, со временем будет переведён из государственного владения в частное. Я толково излагаю?

—

Дальше, — явно довольным тоном ответил Сергей Владимирович.

—

Соответственно будут распределяться и финансовые ресурсы страны и партии. Но за всеми этими ресурсами стоят живые люди, которые отдавать их в чужие руки не собираются.

—

«Короче, Склихасовский!» — не представляя, какое отношение это всё может иметь к нему, и теряя терпение, прервал её Вадим.

—

Суть, — объявила докладчица. — В ЦК есть мнение запустить в рынок молодёжь. Комсомол, как всегда, впереди. —

Она сделала паузу, ожидая восторженного озарения со стороны Вадима. Поняв, что её ожидания тщетны, Клара продолжила со вздохом: – Иван Павлович, вы о нём знаете, сын знаменитого Павлика Морозова, сейчас возглавляет Комитет по делам молодёжи. Я хочу представить тебя в качестве кандидата на должность президента первого комсомольско-молодёжного кооператива.

–

Я уезжать собрался.

–

Ты не подал документов. Так что об этом ещё никому ничего неизвестно. Да и ты, до поры, помолчи.

–

Зачем?

–

Давай на сегодня договоримся так, – вмешался Сергей Владимирович, – ты выкажешь в разговоре все свои лучшие качества, заинтересованность творческой перспективой. При этом ненавязчиво проявишь верность идеалам и понимание «карающей силы партии». Всё!

–

Зачем?

–

Затем, мой милый мальчик, – Клара остановила взглядом всплывшего было отца, – что ещё никому и никогда не ме-

шало положительное мнение власть имущих. Да и в любом случае, неплохо бы знать, что на уме у этих самых «иму-щих». Ведь мы под ними ходим.

—

Пить можно?

—

Нет. Пить буду я, а ты за рулём.

ОЛЬГА НЕЧАЕВА

В каждой газете был отдел пропаганды и агитации марксистско-ленинской теории. Последний съезд единственной и руководящей партии впервые подверг сомнению незыблемость Великой Вдохновляющей Идеи. Это оказалось такой неожиданностью для огромной массы служителей атеистического культа, что у сотрудников отделов, ранее заполнявших своими статьями первые полосы газет, перья выпали из рук. Они не умели сомневаться и жить без Вдохновляющей Идеи. Табунами и косяками бродили по коридорам партийных учреждений и редакций акулы пропаганды в надежде найти утерянную точку опоры. А без их вдохновенного труда Союз Советских Социалистических Республик затрещал по всем швам.

Этот самый, теперь трещащий по всем швам Союз всё еще состоял из пятнадцати стран, между которыми не было ни физических, ни финансовых границ. Каждая из этих стран имела прекрасную самобытную культуру, лучшую в мире систему образования и самую развитую социальную структуру.

По территории Союз занимал большую часть Евразии. Ни много, ни мало – шестую часть всей суши планеты. Подземные кладовые были самыми богатыми в мире.

А руководила Союзом «самобытная» общность людей, которых допустили к руководству и обозвали «номенклатурой». Это не были представители аристократии нации, они не отличались ни образованностью, ни талантами. Это были аккуратные и преданные своей кормушке клерки. Поскольку кроме преданности от них ничего не требовалось, то и винить эту самую номенклатуру в начавшемся процессе развала Союза не имеет смысла.

В редакциях, как и в любом советском учреждении, существовало штатное расписание, и его никто не смел нарушать. Поэтому армия «глашатаев партийной идеологии» продолжала исправно ходить на работу, получать зарплату и искать идею, оседлав которую, можно было бы снова заговорить «шершавым языком плаката». Особенно страдала газета «Правда». Штат её сотрудников полностью состоял из идеологических работников.

По маршруту, известному одному только провидению, весть о чудесном воскрешении ребёнка достигла столицы. Редакция быстренько командировала в деревню на добычу новой темы, а может быть и идеи, самую молодую сотрудницу отдела «Пропаганды».

Чем чёрт не шутит? – подумал ответственный секретарь редакции, почесал лысину и подписал командировочное удостоверение.

Ольга Нечаева недавно по лимиту редакции окончила Высшую партийную школу и только что была переведена из отдела науки в отдел пропаганды. Эта коренная москвичка была музой всех бардовских тусовок. Про такую пел Визбор – «солнышко лесное», а Высоцкий – об «альпинистке гуттаперчевой». Легкая на подъём и смену интересов, Ольга быстро входила в контакт с людьми, легко улавливала их настрой и идеи, мгновенно находила ассоциативные образы и умела точно оценивать полученную информацию.

–

Журналист от Бога! – сказал о её способностях главный редактор, когда давал рекомендацию в эту самую партшколу.

ВЕРШИТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН

Зал зимнего сада на верхнем этаже ресторана «Прага» был полон, звучала музыка, и только в уютном уголке верхнего яруса, чуть прикрытый пальмовой веткой так, чтобы не бросаться в глаза, стоял свободный стол.

Они вошли в фойе, посмотрелись в зеркала, привели себя в порядок и встретили Иван Палыча, который не заставил себя долго ждать. Через десять минут вся компания расположилась за тем самым прикрытым пальмовой веткой столиком.

–

Вот я думаю, – обратился Морозов к даме, – где учат женщин искусству жизнелюбия? Для меня встреча с такой женщиной подобна озарению. Вы – обратился он к мужчинам, – представить себе не можете, сколько наша Клара Лукинична трудилась сегодня по обеспечению совещания при своём шефе. Я думал, что встречу здесь понурую от усталости даму. А она полна энергии. Весела, шустра и обворожительна.

–

А я специально так себя веду, чтобы заслужить Ваши комплименты. Это и есть наша женская хитрость, – весело ответила Клара Лукинична.

–

Давайте начнём с приятного, – подхватил тему Сергей Владимирович, разливая по бокалам шампанское, которое стояло во льду. – Выпьем первый бокал за прекрасную даму, которая собрала нас на этот вечер и украшает его!

–

С великим удовольствием! – Иван Павлович подал бокал даме, взял свой, встал, поднял руку Клары и, глядя на неё с «добрым ленинским прищуром», продолжил: – Эти руки – смысл человечества! Это руки матери, сестры, жены, любовницы. Ради того, чтобы завоевать ласку...

Вадим сидел, откинувшись на спинку стула, внимательно всматриваясь в лицо Морозова:

–

Профессионал! Трёп доведён до полного автоматизма. Он вообще создан из частей. Каждая живёт своей жизнью: рот треплется, глаза наблюдают, под черепом... У-у-у! Как интересно! Боишься? Все боитесь? И смех, и грех. Государственные мужи... Фу! Мерзость какая! Накрутили, навертели, накуролесили, а теперь боятся. Может, и впрямь пришло моё время? Ох, и устрою же я весёлые показательные выступления! Это ж ведь «от Москвы до самых до окраин»

струхнувшие «слуги народа» будут сдавать свои позиции. Раньше у них ничего не было: ни бога, ни черта, ни веры, ни знаний. Была только надежда на «светлое будущее», которое всё оправдает. Теперь пропала эта надежда. Осталось: чтобы избежать позорной гибели, надо объявить «революцию сверху» и под шумок «революционных перемен» растащить подконтрольные богатства страны по своим кладовым...

—

Так! А что думает по этому поводу молодёжь?

Вадим не ожидал обращения к себе, но отреагировал спокойно. Потянулся за бутылкой «Боржоми», налил в свой бокал, пригубил, сделал очень серьёзное выражение лица и провозгласил:

—

Молодёжь об этом ещё подумать не успела. Но если старшие подумают да нам прикажут, то мы – выполним. А набравшись опыта, потом накажем своим детям... – Вадим

поймал едкий недоверчивый взгляд Морозова.

—

Вы действительно так думаете? – в тоне вопроса звучала версия: «или издеваетесь надо мной!..»

—

Я на днях защищу диплом и перейду на третий курс института жизни. Но в бытность всего лишь на третьем курсе академии народного хозяйства мне показалось, что я уже профессионал. Сейчас же, напротив, боюсь, что мой проект похож на лепет младенца. Поэтому предпочту не повторять ошибки третьекурсника и не мнить себя «умудрённым старцем».

Чудра-старший мгновенно уловил, что его сын наладил верный тон общения. Поскольку с закусками покончено, то в ожидании горячих блюд недурно было потанцевать. Он подал руку, Клара с готовностью встала и пошла впереди.

—

Неужели вас, молодой человек, не воодушевляет тот факт, что грядут фундаментальные перемены в жизни страны и общества? Неужели вам, молодым, безразлично: жить в устоявшейся, мелкопроблемной, житейской ситуации или быть причастными к эпохе революционных перемен?

—

Я не «умудрённый старец», но и не слепой кутёнок-романтик. Есть такая наука, которой поверяют даже гармонию.

—

Так Вы алгебраист? – менторски улыбаясь, спросил Морозов.

–

Пока эта наука не даст рекомендаций, я никакую идею рассматривать не буду. Боюсь попасть в романтики, – спокойно и без эмоций ответил младший.

-

А если это проблема века, способная круто повернуть ход истории?

–

Проблема может быть мелкой, но если её разрекламировать, покажется эпохальной. Настоящие крупные проблемы свой самый сложный инкубационный период проводят в тиши кабинетов и бедности лабораторий. Я не хочу влипнуть в разрекламированную дурь, – тон Вадима был спокоен и жёсток, – но и нищета первооткрывателя в годы золотой юности меня мало прельщает.

–

Ну, а как насчёт абсолютных величин? – ехидно улыбнулся номенклатурный руководитель. Вадим вопросительно взглянул на собеседника. – Величин, выражающих размеры капитала?

–

Идея ограбления меня никогда не привлекала. Я собираюсь насладиться всеми периодами жизни: от золотой юно-

сти до серебряной старости. Мне очень нравится жить, – он вдруг широко улыбнулся, и глаза его загорелись азартом. – Хочу суметь прожить жизнь в своё удовольствие. А если получится, с размахом.

–

А так, как прожило наше поколение?

Вадим прервал Морозова, не желая вести дискуссию в этом направлении:

–

Вы – поколение героев и альтруистов. Я преклоняюсь перед вами. Но писать свою жизнь с Павки Корчагина или Вашего отца, как это делалось в Ваши годы, не желаю.

Музыка смолкла. Пары вернулись к столам. Принесли горячие блюда.

–

С подачи нашего молодого товарища родился тост, – провозгласил Иван Палыч, дожёвывая кусок парного мяса: – «За наше счастливое детство спасибо, родная страна!»

Жующие переглянулись, улыбнулись и потянулись к своим бокалам...

НА ВСТРЕЧУ С ЧУДОТВОРЦЕМ

Всё, как в поход, – рюкзак, ботинки, джинсы, – и на вокзал. Через сутки Ольга Нечаева уже шагала по просёлочной дороге к хутору, в котором жил Василий Степанович Славенко.

Она и не подозревала, что пузатенький дяденька в шляпе

и при галстукe возле старой чёрной «Победы», насмешивший

её на привокзальной площади районного городка своей многозначительностью, был секретарь парторганизации колхоза и ожидал именно её – посланницу Центра. Она не знала, что в хате Василия, вопреки его уговорам, были произведены экстренный ремонт и генеральная уборка всего подворья под руководством самого председателя колхоза. Ей было невдомёк, что, несмотря на посевную, все колхозники последние двое суток были заняты приведением в образцовый порядок улиц деревни и особенно здания правления.

Устав от назойливого внимания, Василь взял ружьё, не для охоты, а чтобы не приставали, отвязал Дружка и пошёл с ним в лес. Находившись в своё удовольствие, насобирав почек и трав, Василь с Дружком успели проголодаться и вышли из лесу. Ольга стояла на развилке просёлочных дорог и решала в отсутствие какой-либо информации чисто интуитивно задачу: как пройти в деревню.

–

Дяденька! – закричала она, увидев крестьянина с собакой. – Вы не подскажете, как пройти в деревню?

Василь спокойно, никак не отреагировав на её вопрос, продолжил движение в сторону развилки дорог.

–

Сельский увалень! – подумала Оля, склонив набок свою

головку с экзотически заплетёнными косичками, и осталась ждать.

–

Пошли, – поравнявшись с ней, сказал Василь и продолжил путь.

Ольга засемила за ним, стараясь в ответ на каждый его шаг успевать делать два своих. Долго идти молча рядом с живым человеком мастеру словесности было не вмоготу. Уже потеряв терпение, Ольга выдала:

–

Какая прекрасная погода! – Весенний, ещё прохладный ветер дул им в лицо. Василь посмотрел на небо, увидел зловещую тучу, нависающую над самой дорогой, ухмыльнулся про себя и промолчал. Оля начала нервничать:

–

Вы тоже в деревне живёте?

Василю стало смешно, он наклонился, подобрал ветку, сорвал с неё листочки и бросил голый стебель вдоль дороги. Дружок помчался за брошенной палочкой.

–

А посевная уже началась?

Василь еле сдерживал смех:

–

Вы спочатку в правлиння, чы куды? – спросил он, даже не обернувшись к спутнице.

Ольга опешила. То ли она не понимает украинского, то ли он ...

–

Наверное, – она решила стараться говорить на украинском, – спочатку в правлиння. Там, – она замялась, стараясь вспомнить что-нибудь подходящее из старославянского (учила ведь), – мабудь кажуть, куды топать.

–

Добре! – Василию стало весело и спокойно на душе. Они снова оказались на развилке, но теперь уже – улиц деревни.

–

Вам туды топать, – сказал он, указывая на центральную улицу. – На тий сторонни майдана будэ правлиння.

–

Спасибо! – она призадумалась, вспоминая уроки старославянского, ничего путного не вспомнив, встряхнула головой и попрощалась. – До свиданья.

–

До зустрічи! – ответил Василь, получая удовольствие от состояния собеседницы, в которое она себя вогнала, желая быть своей в этой чуждой среде.

Он повернулся и пошёл домой. Она продолжила путь по главной улице села. Через пару минут раздался гром, и весенний ливень хлынул на землю. Василь уже был дома, а Ольга привычным движением скинула рюкзак, водрузила его себе на голову и продолжила путь. Мимо на максималь-

но возможной для сельского большака скорости промчалась чёрная «Победа». Через метров десять машина резко затормозила и пошла задним ходом. Поравнявшись с путницей, «Победа» остановилась и, открыв дверцу, водитель крикнул:

—
Садитесь!

—
Ой, — закинув рюкзак на заднее сиденье, Ольга повернулась к водителю. — Спасибо! — сказала она и узнала «чучело в шляпе», которое видела на вокзале: — Здравствуйте! — смеясь собственным мыслям, не забыла поздороваться воспитанная горожанка.

—
Ты чья будешь? — спросило учтивое «чучело».

—
Я? — Оля улыбнулась. — Ничья. Я здесь приبلудная. Ищу правление колхоза.

—
Зачем?

—
Да вот, послали в командировку.

—
С Москвы?! — стал соображать партком.

—
Да!

Ой, як же ж гарно, шо я Вас встретил! А я ведь Вас ожидал на вокзале. Видно, не заметил. Говорили, корреспон

дент. Так я ж мужика ждал! Ой, нехорошо! Як же ж Вы добрались?

—

На автобусе.

—

Ой! А потим шо, пешком?

—

Ну, да!

—

Ой, выбачтэ, простите!

—

Да ничего! Нормально!

Машина остановилась возле двухэтажного здания, перед которым было развёрнуто красное полотнище плаката. На плакате крупным, несколько похлывшим от времени, шрифтом написано: «Зустринэмо ришення Партии новымы трудовыми перемогами!». А внизу, свежей краской, буквами, величиной, насколько позволял остаток полотнища, приписано: «Даёшь гласность и перестройку в этой пятилетке!» Прочитав плакат, Ольга, разинув рот, замерла в дверце машины. Придя в себя, она с серьёзным видом достала из рюкзака фотоаппарат, попросила парткома стать под навес, на котором красовался плакат, и, не выходя из машины, сделала

несколько снимков.

—

Наш колхоз, — воодушевлённый таким пристальным вниманием начал председатель парткома, — уже в десятый раз завоёвывает Передовое Красное Знамя. Нам и по общественной работе есть чем похвастаться. На конкурсах самодеятельности наш хор каждый год берёт призы. А в прошлом году даже участвовал во всеукраинском смотре талантов и стал лауреатом. У нас прекрасная библиотека и очень хороший клуб. Мы Вам всё покажем.

—

Да, конечно. А куда мы сейчас? — Ольга остановилась посреди холла. — У вас в колхозе есть гостиница?

—

По першее, мы до председателя. А по druhé, до готелю.

—

Куды?

—

В гостиницу. Есть у нас хата гостевая. Там обоснуетесь, отдохнёте.

—

Ладно.

Они вошли в дверь в конце коридора.

—

Здравствуйте! — ответила Ольга на приветствие тучного человека с игривым выражением глаз.

–

Очень, очень рады вашему приезду! – председатель колхоза решил представиться.– Скворода Пётр Наумович – председатель. Садитесь, пожалуйста! С чем пожаловали? Будем стараться Вам помочь!

–

Нечаева Ольга. Корреспондент газеты «Правда».

–

С Виталием Владимировичем Вы уже знакомы. Наш незаменимый партийный руководитель. Вот! Спрашивайте. Мы готовы!

–

Да вот, до столицы дошли слухи, что в вашей деревне живёт уникальный человек, который повторяет чудеса Иисуса. Нам сообщили, что он воскресил умершего ребёнка.

–

Та-а-а-к! Мы трудимся, даём стране экологически чистый продукт. Но нами никто не интересуется. Раньше было по-другому! Труд воспевался. Теперь песни складывают о чудесах. А о тружениках?!

–

Я постараюсь осветить и жизнь села, достижения трудового коллектива, – Ольге захотелось успокоить рачительного хозяйственника. – Ведь талант не растёт на пустом месте! Он вырос здесь, среди вас. Значит, в этой земле, этих людях

есть нечто такое, что способствует появлению таланта.

—

Во! Это Вы здорово, верно подметили! Но Вы с дороги. Сейчас Виталий Владимирович отвезёт Вас в нашу гостевую хату. Вы отдохните, пообедайте, а потом Виталий Владимирович Вам всё покажет, со всеми познакомит. — Он обратился к председателю парткома, который всё это время стоял посередине большого кабинета с радужно улыбающейся миной: — Я надеюсь, Вам тоже будет приятно пообщаться со столичным корреспондентом и красивой девушкой!

Председатель колхоза протянул Ольге руку. Она подала свою. Он помог ей встать. Проводил до дверей кабинета и попрощался: — До побаченя! Я надеюсь, мы ещё увидимся!

—

В любом случае, перед отъездом я обязательно зайду попрощаться.

Гостиница находилась на углу той развилки, где утром разошлись дороги Ольги и Василя. Белая хата с покрашенными в голубой цвет дверями и окнами, с ухоженным палисадником была единственной на весь посёлок, где туалет и ванная комната находились в самой хате, а вода подавалась насосом из колодца и подогревалась электричеством. В хате были три комнаты и кухня со столовым уголком.

—

Ласкаво просимо, гости дорогие! — раздался зычный голос хозяйки гостевого дома.

Мария Борисовна, – представил хозяйку Виталий Владимирович. – Она у нас очень гостеприимная. Вы отдохните, а потом она Вас проводит до Василия Степановича. Если я Вам понадобится, наша хозяйка меня позовет. А

с Василием вы уж сами постарайтесь. – Он положил Ольгин рюкзак в кресло в комнате, которую отвели для москвички: – До зустрічи! Дом Василя Степановича третий по этой улице.

Ольге не терпелось познакомиться с героем своего будущего материала, но дорога утомила её, а хозяйка была очень приветлива, и голод подал свой голос, – она решила «не гнать коней». Под весёлое щебетание Марии, которая успела ей рассказать все сельские новости, Ольга приняла душ, перекусила вкусными оладушками со сметаной и вареньем, запила всё это молоком, переделалась так, чтобы выглядеть посолонней, и в сопровождении весёлой хозяйки пошла на встречу с чудотворцем.

ПЕРВЫЕ КАПИТАЛИСТЫ

На следующей неделе Вадим защитил диплом и, на удивление легко, получил отличный балл. Сергей Владимирович заказал столик на шесть персон в «Новом Арбате», чтобы отметить это событие субботним вечером в кругу семьи. Филькенштейны распаковали три ящика своего багажа в поисках старинных часов с фамильной монограммой и золотой це-

пью весом в двадцать с лишним граммов в подарок виновнику торжества.

А на завтра Морозов назначил Вадиму встречу в летнем кафе на территории ВДНХ.

—

Не откажетесь пройти со мной по павильонам? — доев свою порцию мороженого, предложил Иван Палыч. — Я, честно говоря, не люблю говорить с друзьями на более чем интимные темы в присутствии свидетелей.

—

А я никогда не говорю на интимные темы. Даже с друзьями.

—

Похвально. Но эта интимность касается нас двоих.

—

Ну, нет. Я пас! Я вполне нормальный мужчина.

—

Я тоже, — весело ответил Палыч. — Жаль. Не получится у нас с Вами любви. Одна сермяжная дружба! Если Вы не против?

—

Нисколько.

—

Тогда к делу, — он внимательно посмотрел на своего молодого друга, оценил степень его готовности к серьёзному разговору, остался доволен, набрал в легкие воздух и выдал: —

Сейчас партия находится на этапе кардинальных

перемен. Без них нельзя. А с ними – хлопотно, могут происходить неожиданные ситуации. Тут, как на крутом вираже: впишешься, занесёт или перевернёт, – неизвестно.

–

Но, если руль в надёжных руках...

–

В том-то и беда, что у нас – власть советов. Каждый хватается за руль. Поэтому до сих пор мы к цели и не доехали. А на таком вираже – нечего и предсказывать.

Он снова оценил степень понятливости собеседника:

–

Что делает в подобных ситуациях рачительный хозяин? Он распределяет своё добро таким образом, чтобы при любых обстоятельствах иметь возможность сохранить и приумножить его.

Вадим улыбнулся.

–

Совсем как на вводной лекции по стратегиям финансовых инициатив. У нас был гениальный профессор Розенблат, – пояснил свою улыбку Вадим. – Он родом из Англии. Прямой потомок знаменитого Гобсека. Не знакомы?

–

Нет, – старший товарищ сначала было разозлился на неожиданно весёлую реакцию мальчишки, но потом, поняв,

что его мысли созвучны мыслям знаменитого профессора, остался доволен. – Короче. Принято решение о рассредоточении партийных активов. Часть из них решено направить на стимулирование предпринимательской деятельности активистов комсомола. – Вадим решил больше не проявлять своих реакций, и Иван Павлович продолжил.

–

Я очень давно знаю нашу общую знакомую, высоко ценю её деловые качества и умение разбираться в людях. Вы являетесь её протеже. Мы проверили, тем не менее, чего греха таить, всё, связанное с Вашей кандидатурой, и сейчас я уполномочен предложить Вам, молодой человек, участие в важном и ответственном предприятии.

Вадим напрягся до такой степени, что сохранять видимое деловое спокойствие стоило ему больших усилий. Он понимал, что впечатление, которое произведёт его реакция на этого опытнейшего мастера политических интриг, может оказаться судьбоносным.

–

Я, безусловно, готов служить. Но пока не очень представляю ни свою роль, ни саму задачу. Если Вам нетрудно, то будьте добры, пояснить, чтобы я мог представить себе эту задачу и способ её реализации.

–

Славно, – старший товарищ остался доволен. – Мне

большого и не надо. А Вам следует взять постановление о предпринимательской деятельности и разработать устав общества с ограниченной ответственностью, которое имело бы право заниматься любой, не запрещённой законом, деятельностью. Сколько Вам для этого надо?

—
В неотредактированном виде? Два дня.

—
Договорились. Через два дня передадите материалы Кларе. Остальное – потом.

—
Постараюсь.

Они прошли по павильону авиации и космонавтики, ведя праздный диалог обо всём, что не касалось темы их встречи. Вернулись к машинам, и через двадцать минут Вадим уже был дома.

ИНТЕРВЬЮ С ВОЛШЕБНИКОМ

Василий Степанович тоже успел подготовиться к посещению своей попутчицы. На нём были хорошо выглаженные серые брюки, белая сорочка, свитер с красивым украинским орнаментом.

—
Вы уж тут без меня, – сказала Мария, после того как представила гостью, – а я к обеду вернусь до хаты. Вы ж дорогу знаете, нэ заплутаетэ!

Ольга стояла с разинутым ртом и глядела на того молча-

ливого дядьку, который привёл её в деревню. Он оказался молодым и довольно привлекательным парнем. Все её представления о сказочном волшебнике, уже вжившемся в подсознание образе колдуна, развеялись до обидного просто. Василий пригласил гостью в дом. Стол был накрыт к чаю: сухарики, печенье, варенье, сахар и большой чайник. В комнате стоял запах свежести и аромат заваренных трав.

—

Вы живёте один? – садясь за стол и желая с чего-то начать разговор, спросила Ольга.

—

Ни, с батькамы! – ответил Василий Степанович, заливая кипятком керамический чайник.

—

С отцом? А где живёт мама?

—

«Батькы» на украинской мове – «родители».

—

А-а-а! Буду знать! – мягкий доброжелательный тон, которым был преподан этот урок украинского языка, понравился привередливой москвичке. – Вы не против, если я буду записывать нашу беседу на диктофон и делать снимки?

-

Если это Ваша работа!

Ольга понимала, что беседа будет не простой. Её собесед-

ник, по всей вероятности, человек не из трепливых. Это она почувствовала ещё при первой встрече на дороге.

—

Про Вас ходят слухи, что Вы можете исцелять болезни и даже воскрешать мёртвых.

—

Нет, — Василь расплылся в такой детской улыбке, что у Ольги сразу отлегло от сердца.

—

Видно, он не бука, — обрадовано подумала она, навела аппарат и запечатлела улыбку чудотворца.

—

Мёртвый есть мёртвый. Его не поднять. — Он придвинул к ней блюдо с колотыми кусками сахара и сел напротив: — Но, покуда душа ещё не покинула тело, есть возможность вернуть его к жизни.

—

А вот все уверяют, что ребёнок был мёртв уже больше часа, а то и двух.

—

Но он не был мёртв...

—

Говорят, что он не дышал, и сердце не билось. Пульса не было.

—

Так! Но он не был мёртв.

—
А как это может быть?

—
А вот как. Я сейчас помру на десять минут, а Вы увидите. — Василий встал, пересел в стоящее перед телевизором кресло, вытянул ноги и закрыл глаза.

Ольга сначала смотрела на него в оцепенении, не понимая, что происходит. Потом она вдруг увидела, как у хозяйина дома неестественно вытянулось и одеревенело тело, заострился нос. В кресле лежал покойник! Она усилием воли стряхнула с себя оцепенение, схватила камеру и, делая снимки, стала комментировать происходящее:

—
Целитель встал, спокойно сел в кресло, принял удобную позу, вытянул конечности и застыл. Потом я наблюдала, как каменеет его тело, дыхание останавливается, нос заострился, пульс не прощупывается. Я сижу и наблюдаю. Сейчас 13 часов 43 минуты. — Она всё больше ощущала внутренний холодок в груди. — Сидеть рядом с таким телом в одиночку — удовольствие не большое. Я уже не совсем верю, что это живой человек. Зря я согласилась на этот эксперимент. Боюсь, что когда он начнёт шевелиться, моя психика не вынесет. Боже мой! Помоги мне не свихнуться! Я специально не перестаю говорить. У меня всё больше ... чёрт

побери! Мне кажется, что я совершила преступление. Я

... я очень хочу убежать! .Скорей бы прошли эти злосчастные десять минут! Ой! Ой! Он, кажется, возвращается. Появился румянец. Отмёрз кончик носа. Он теперь не заострён ... Целитель открыл глаза.

Василь встал, улыбнулся своей растерянной гостье и подсел к столу.

—

Шо? Испугались? Напрасно! В этом состоянии можно быть долго. Это нормально. – Василь увидел, как побледнела его гостья. Гостеприимный хозяин почувствовал, что она может потерять сознание: – Спокойно! – Он поднял руку на уровень груди ладонью к гостье: – Тебе тепло. Легко, – слова звучали, как чёткие команды. – Который час? – спокойным голосом спросил он.

—

Без пяти два, – услышала Ольга свой голос и удивилась тому, как уверенно он звучал. – Да. Это меня потрясло. Вы, воистину, чудотворец.

—

Это может каждый человек. Но не каждый знает, как.

—

А вы могли бы научить?

—

Так.

—

Ну, так или по-другому, но научить входить в это состо-

яние?

—

«Так», — засмеялся Василь, — это «да» на русском.

—

А-а! — тоже засмеялась Ольга. — Буду знать. Так можете научить?

—

Так! — Повторил Василь.

—

А меня?

—

Будь ласка!

—

Буду! — с готовностью согласилась уже совсем успокоившаяся девушка.

—

Нет, — засмеялся в голос хозяин дома. — «Будь ласка» — это «пожалуйста» на русском.

—

О, Господи! — засмеялась гостья. — Придётся учить украинский!

—

Добре!

—

Ну, так учите!

—

Мове?

–

Ни, – вдруг выдала Ольга, – мову я сама выучу.

–

Дотроньтесь до чайника левой рукой.

–

Горячий! – воскликнула Ольга, отдернув руку.

–

Это для левой. А для правой – он прохладный.

Ольга медленно положила правую ладонь на чайник.

–

Правда, прохладный, – подтвердила она, держа ладонь на стенке чайника.

–

А так возможно?

–

Нет! – она попробовала дотронуться до чайника левой рукой. – Горячий! – воскликнула она и посмотрела на правую руку, которая спокойно лежала на стенке чайника. – Чудо!

–

Это не чудо, – спокойно, послав в рот кусочек сахара, отхлебнул чай Василь. – Не я чудотворец. Это вы слепы! Вы придумали себе мир и боитесь, что он может измениться. Но ведь он на самом деле меняется каждый миг, а воспринимается вами только таким, каким вы желаете его видеть.

–
Вы гипнотизёр!

–
Может быть. Я не знаю. Может, гипнотизёр, может, нет. Это просто слова. Они – не суть. Суть в том, что человек может понимать намного больше того, что он обычно чувствует.

Оля вдруг осознала, что дальше воспринимать то, что говорит чудотворец, уже не способна. У неё стало пропадать чувство реальности.

–
Я Вам очень благодарна. Честно говоря, я не надеялась на такую откровенность. Наверное, ждала чего-то другого. – Она задумалась. – Точно одно – такого я не ожидала. Большое спасибо! Но на сегодня этого мне вполне достаточно. Нужно всё осмыслить. Привести мысли в порядок. Если Вы позволите, я Вас завтра ещё раз побеспокою.

Василь проводил её до гостевой хаты.

Вся ещё под впечатлением от пережитого, Ольга вошла во двор и села на лавку, дожидаясь возвращения хозяйки. Через некоторое время ей стало прохладно, довольно зябкий ветер пронимал сквозь куртку и брюки. Она машинально подошла к двери, потянула. Дверь оказалась незапертой.

–
Прекрасно жить в селе, – подумала москвичка, – двери не запираются. Значит, здесь нет воровства.

Она вошла в дом, взяла диктофон и рассказала о деревне, природе, людях, которые её радушно встретили, о секретаре парткома и плакате, гарантировавшем гласность и перестройку в этой пятилетке, о хозяйке гостевой хаты, открытой, заботливой и тёплой, как кормящая мать, о не запирающихся дверях, об обыкновенном парне, который одним своим видом расстроил все её стереотипы. Рассказывая, она переделалась в спортивный костюм, разложила и развесила

в шкафу свои вещи, взяла туалетные принадлежности, выключила диктофон и пошла в ванную комнату.

—
О! Вы уже вернулись? – воскликнула Мария Борисовна, встретив в дверях выходящую из ванны Ольгу. – Чую, вы дуже гарно поговорилы?

—
Да. Ваш Василь Степанович великий чародей. Вам не страшно жить рядом с таким человеком?

—
Ой! Неужели он напугал Вас?

—
Да. Я сначала очень испугалась.

—
Ни. Он добрый, сильный, справжний! В сели вси ёго люблять. Шо вин сказав – то так и будэ.

—

Подождите секунду. Я сейчас... – Ольга поняла, что Мария тоже может рассказать много интересного. Она взяла диктофон, заменила кассету и вернулась к хозяйке. Та уже стряпала на кухне. Корреспондент села за стол и включила диктофон: – Ну, рассказывайте.

–

Шо рассказывать?

–

Ну, Вы сказали, что всё, что говорит Василь Степанович, сбывается.

–

Да. Всё, шо говорит, – всё правда.

–

А что же такого он говорит?

–

Ну, – Мария призадумалась, – вчера он сказал, что еще рано сеять.

–

А почему? Он объяснил, почему рано сеять?

–

А у него никто и не спросил. Он сказал, – значит, це так.

–

Но почему?

–

Это только он знает. Алэ, цэ правда. В прошлому году он

сказал убирать свеклу на десять дней раньше. Мы убрали. А соседи припозднились. Там были большие потери.

—

Ну, а ещё?

—

Багато шо! Олэси пришла похоронка из Афгана. Василь ей сказал, что сын вернётся домой. И в прошлом году Максим вернулся. Алэ дуже хворый. Да, шо говорить! Он главный ликарь. Любу хворобу лечит. Чи шо заболит, чи кости ломит — уси до нёго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.